

1918
1958

СМЕНА

№ 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Октябрь, № 19, 1958 год.

Год
изданий
35-й

ВТОРАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ДОМНА ВСТУПИЛА В СТРОЙ!

В ее сооружении принимали участие
и эти парни — выпускники Ново-Троиц-
кого строительного училища № 11.
(Фотоочерк о строительстве комсомоль-
ской домны Орско-Халиловского ме-
таллургического комбината см. на
стр. 12—13.)

Фото А. Удальна.

ВСЕГДА ВЕРЕДИ

Глухой поздней осенью поднялся я по крутому, обрывистому берегу в город, который только начинал свою историю. Где-то в стороне, среди возведенных или возводимых зданий, ютились землянки, как образцы жилищ первых строителей города, первых пришельцев в неведомое дотоле село амурских рыбаков — Пермсков. Амур был широк и неподалека в эту позднюю пору осени, и волны бились о берег.

Комсомольск-на-Амуре... Может быть, одно из самых великих творений комсомольской юности — этот город надежды и созидания. Я вспоминаю, как один из молодых инженеров-комсомольцев, показывая строительный участок, где возводилось новое здание, заметил какой-то непорядок.

— И тебе не стыдно! — сказал он рабочему, такому же комсомольцу, как и он. — Веда на века строим.

Бесспорно, одним из самых побудительных начал для наших молодых строителей является твердая уверенность в том, что строит они именно на века. Эта уверенность порождает и беспечность за судьбы страны и безоговорочную готовность к подвигу.

Это они, комсомольцы, как только призвали партия, преобразили в те годы далекий край, первыми юлали на дальневосточной путине дедовскую косность, первыми повели в наступление сейнеры и траулеры, прокладывая трассу новой истории в Тихом океане. Тот, кому привелось увидеть становление советского Дальнего Востока, никогда не забудет этого. Мне пришлось быть свидетелем тех величественных дел, а для меня это одна из самых памятных и почетных страниц моей жизни.

В районах вечной мерзлоты, где в прошлом десятилетиями были над проблемой воды для паровозов, где воду подвозили за сотни километров в цистернах, комсомольцы первыми пошли на поиски постоянных источников. Они познали суровые тайны полюсы вечной мерзлоты, где лес называется «пыльми», потому что растет вкряк и вода, едва его корни уйдут в глубину, и где в сорокаградусные морозы перемерзает все родники и ручьи. И все же вода была найдена, и именно они, комсомольцы, опровергнули представление о вечной мерзлоте как о крае, где невозможна никакая жизнь. Я помню, как один из наших замечательных специалистов по мерзлотоведению, Михаил Иванович Сумгин, сказав с восхищением, смешанным с грустью:

— Если бы вы только могли представить себе, какую помощь во всех моих последних измнаниях оказывала мне наша молодежь, комсомольцы!

Он говорил с восхищением, потому что глубоко верил в молодое поколение, с грустью — потому что был уже стар и сожалел, что ему, может быть, не придется увидеть великих изменений в жизни родной страны, какие дано совершить молодому поколению.

Ненастой московской ночью в ноябре, когда иней уже лежит на крышах домов, спустился я в одну из шахт, прорытых в древней земле Москвы. Там, на глубинах, тесными плавунами, еще не знавшие опыта сложных и опасных работ, юности и девушки в брезентовых костюмах и шляпах, залепленных мокрой глиной, строили первую очередь Московского метрополитена. Москвитин слышал по временам глухие взрывы под землей, видели нередко на улицах курьезнейших, забуревших на неведомой подземной работе людей, которые казались им аргонатами. Они и были, по существу, аргонатами, эти проходчики, откатчики, маршевые — комсомольцы, проходившие первую, суровую, но прекрасную школу жизни.

Теперь, когда во всех направлениях движется под московской землей поездка, когда совершеннейшая техника пришла на помощь человеку, когда за два года делается то, на что прежде уходило несколько лет, с благодарностью обращаем мы взоры в сторону первых строителей Московского метрополитена имени В. И. Ленина.

В темный октябрьский вечер на правом берегу Днепра, где на крохотном пладире закрепились наши передовые части, где гадетые повисли в небе, мертвенно освещая каждую пядь земли, где залепотнел подлунный, трассирующий путь просверлявший плотную синеву осеннего вечера и железно шуршавши стелбы паростояшей кукурузы, — в такой глухой, тревожной, полный опасностей вечер уходили в глубокий тыл наши разведчики, похожие в своих маскировочных плащах и костюмах на страннне, фантастические тени. Добытые ими сведения решали успех сражения и судьбы десятков тысяч людей... Все они — по замыслу в мою войсковую блокноте того времени — были комсомольцами, и помню, как твердо ощутил я тогда, на правом берегу Днепра, что наши жизни вручены в надежные руки... Несколько дней спустя, когда начался эпопея освобождения всей Украины, а затем и всей советской земли, они, комсомольцы, были уже снова впереди — и так до самого Берлина...

На знаменат комсомола начертаны имена Зои Космодемьянской и Виктора Талаликина, Александра Матросова и Елизаветы Чайкиной, девушки из Кашина — Ирины Константиновой, Альфонса Чеповича и многие другие имена звучат, как призыв к действию. К последующим поколениям обращен подвиг и первых строителей, нечлннвших в трудное и суровое время великое дело, и подвиг великого множества наших молодых людей, которые потрясли человечество своим мужеством и самопожертвованием в минувшую войну.

Мы никогда не забудем тех, кто на берегу сурового Амура построил Комсомольск, кто копал в мерзлой земле котлованы для индустрии Магнитогорска, кто отбросил в прошлое днепровские пороги, создав Днепровскую гидроэлектростанцию, а следом за ней и другие, воплотил в жизнь великий ленинский план электрификации России. Движение времени прекрасно тем, что по следу отцов идут дети. Это они, дети первых строителей, создали ныне уже целую эпопею покорения целинных земель, и там, где веками клонился ковыль, растет ныне пшеница. Это они, дети строителей первых пятилеток, сделали источником электроэнергетики воды Волги, дали воду Голодной степи и пустыням Каракумов, и озвизы с цветущими абрикосовыми деревьями и хлопковыми поля возникли там, где веками бушевали песчаные бури пустыни. Это ему, нашему молодому поколению, выпало счастье выйти на дорогу жизни в ту великую пору, когда советский человек запустил в космические пространства спутники Земли и раскрыл с живыми существами, сделав реальной целью покорение космоса и исследование недоступных небесных светил.

Молодежь предстоит осуществить великий план развития жизни в нашей стране и выйти в неисследованных недрах земли в полном объеме все то, что лежит в основу ленинского закона химических элементов, открытого гением Менделеева.

То, что на весах первых новостроек совершил свой трудовой подвиг, прославивший наш комсомол, ныне уже покившие люди, но нет большого счастья, чем сознать, что «движение, данное один раз, не останавливается, и время только будет ускорять его полетом мысли, как об этом пророчески возвестил Великий.

В преобразованиях нашей страны верным помощником Коммунистической партии на всех этапах великого движения был комсомол. Именно молодежи дано осуществить чаяния нашего народа. Генерл Ленина призвал к действию молодое село России, и наша молодежь в свое молодое поколение, уверенность партии в том, что молодые силы осуществят великое дело коммунизма, — верная награда комсомолу.

Плечо о плечо со всем народом идет комсомол навстречу XXI съезду Коммунистической партии, радуя Родину и всех советских людей своими замечательными трудовыми делами.

Вл. ЛИДИН

НАС МИЛЛИОНЫ, И ВСЕХ ВЫРАСТИЛ ЛЕНИН

Лучших из лучших избрал XIII съезд комсомола в свой Центральный Комитет. И потому очень обрадовались годовщины комсомольцы, узнав, что членом ЦК ВЛКСМ стала их товарищ по организации, прорезавшая вековического завода Валентина Попова. Десятилетка, потом техническое училище и первый рабочий засажен у фрезерного станка. Сейчас Валя — перадрон производства. Овладела несколькими специальностями, она выполняет норму на 200—250 процентов.

Молодая актриса Зина Вострицкая хорошо известна тысячам любителей кино. Кто не помнит Ассольку из кинотрилогии «Тихий Дон»? Эта роль принесла Зине большой успех, и он объясняется не только талантом актрисы, но и упорной работой над образом, большой и немой любовью. Сейчас Зина закончила работу еще над одной ролью — Лейл в кинофильме «Дороговыми» — которую она вместе со всей съёмочной группой посвятила 40-летию ВЛКСМ.

Бывают дни, которые на всю жизнь остаются в памяти человека. Был такой день и у подурочного сталевара москвитского завода «Серп и молот» Анатолия Шиманова. В этот день его принимали кандидатом в члены КПСС. Слегка изменившийся от волнения голосом Анатолий отвечал на вопросы. Да, окончила ремесленное училище и пришла на завод. Да, в честь XXI съезда партии взял повышенные обязательства. Да, постараюсь оправдать доверие. И товарищи по цеху уверены: оправдают доверие Анатолий. Недаром ведь избирали они его в цеховое комсомольское бюро, недаром ему все чаще и чаще стали поручать самостоятельное ведение плаков.

Окончив десятилетку, Лилия Каринич поступила работать на Рижскую мебельную фабрику, а уже через два года стала одной из лучших обивщиц. В двадцать лет она приобрела хорошую специальность. Но Лилия знает, что это еще далеко не все. Сейчас Каринич готовится и поступлению в институт легкой промышленности. Трудно, конечно, совмещать учебу с работой да еще участвовать в художественной самодеятельности, в выпуске комсомольской стеногазеты. Иногда хочется даже расстунуть сутюг — так мало в них драгоценных часов. Но у комсомолов Лилия Каринич такой уж характер: она все успевает и все делает отлично.

Зоркий глаз, крепкая рука, бесстрашное сердце у Асана. И все-таки не это определяет характер юноши. Животноводству Киргизии сейчас очень нужны молодые, грамотные чабаны. Вот почему окончив десятый класс, Асан Хадиев Ийлан решил стать чабаном. Не колеблется, он пошел на один из самых сложных и ответственных участков сельскохозяйственного производства. Так велела его комсомольская совесть. Быть там, где трудно, где нужна Родине, — эти качества воспитал у Асана комсомол. И они — главное в его характере. Строгие степи, знойное солнце, ледяные ветры проверят зрелость Асана.

...1953 год. Двадцатилетний Владимир Енгбарян впервые выступил на первенстве Европы по боксу. Владимир очень опасался за исход боя: ведь у себя на родине, в Ереване, он на тренировке разбил правую руку. Пришлось вести бой одной левой. А через несколько дней в печати появилось сенсационное сообщение: «В легком весе чемпионом Европы стал Владимир Енгбарян». Все бой он провёл одной левой рукой и не потерял ни одного поражения. С тех пор ерванец Енгбарян считается одним из сильнейших боксеров мира. Недаром он обладает двумя самыми почетными титулами — олимпийского чемпиона и чемпиона мира.

Да, нас миллионы — молодых, отважных романтиков, мечтателей и трудолюбцев, связавших сознательно, по убеждению, свои судьбы с большой судьбой Коммунистической партии и Ленинского комсомола! В дни подготовки к XXI съезду КПСС молодые энтузиасты своей патристическим трудом еще раз демонстрируют безграничную верность Коммунистической партии и народу, своему комсомольскому знамени.

СКИЙ КОМСОМОЛ

Недавно у сормовчан был большой праздник: со стальной соею красавицей гитассиной дизель-электростанции «Светлый Союз». Сотни рабочих выскочили своей труд в его строгостями, и среди них комсомолец Вячеслав Рузнов.

Пять лет назад демобилизовавшись из армии, впервые переступил он пороги проходной завода «Красное Сормово». Пять лет — срок большой, особенно для парня, по-настоящему полюбившего свою профессию. Вячеслав овладел несильными рабочими специальностями, выполняет до двух норм в смену, успешно окончил вечернее отделение машиностроительного техникума.

...Рыболовный траулер «Ветлугу» швыряло из стороны в сторону. Управление было потеряно. Старший помощник капитана Валентин Красновым сведенными от холода руками пытался устранить поломку. Заржавевшие болты не слушались гаечного ключа, пришлось рубить их зубилом. Вдруг одна особенно сильная волна оторвала Валентина от палубы. Схватившись, ухватившись за поручни, полес над водой. И только помощь товарищей спасла Валентина. Призавал себя к решетке боллера, он продолжал работать.

В апреле этого года комсомолец Валентин Краснов стал капитаном траулера. Ему только двадцать пять лет, но это уже молодой, мужественный моряк.

Канцеля, совсем недавно она бежала по залитому солнцем шпильному двору, отвечала на уроках, воевалась, получая аттестат зрелости. Но именно тогда, в школе, Нателла решила идти на завод. Прошел год, Нателла Алижанова считается сейчас одной из лучших станочниц четвертого механического цеха. Ежедневно она выполняет по две нормы в смену. — Каждый день из ворот Иштинского машиностроительного завода (Азербайджан) уходит машины с турбобурами для далеких нефтепромыслов. Это значит, что в разных концах нашей страны вскоре зайдут новые фонтаны нефти.

В конце августа на Челябинском металлургическом заводе создавалось напряженное положение: двум мартовским печам потребовался срочный ремонт. Ремонт мартовской печи № 8 комсомольцы завода объявили ударным комсомольским заданием. Первым в неостывшую печь вошли комсомольцы фазоннолитейного цеха во главе со своим комсоргом Николаем Понедельцем. Температура внутри печи достигла 150—180°. Не хватало воздуха, тела цемента. По 10 минут и больше работал Николай в раскаленной печи, вдуваяшая личным примером товарищей. Это — святое правило комсорга Понедельцева: быть в трудную минуту всегда впереди.

Фото А. Шаякета.

ТЫ ПОМИНИШЬ, ТОВАРИЩ...

УХОДИЛ КОМСОМОЛЬЦЫ...

Буйным ветром, молодую песней пролетели сорок лет жизни. И каине сорок лет... Знать ли, товарищ, как дороги воспоминания юности первых комсомольцев? Не забыли они грозы гражданской войны, живы еще в их памяти трагические ночи молодых бойцов ЧОНА, выстрелы кулацких обрезов из-за угла... Грехова гражданская война. Со всех сторон стигались баргрове зарево фронтов и центру молодой Советской республики. Трудовой народ бросался за оружие, готовый до конца защищать обретенную свободу.

Ушел на фронт и молодой товарищ Федор Рахманов. Ночью 1918 года застал его в Воронежской области, где вспыхнул в это время восстание кулаков. Маленький отряд, в котором Федор был комиссаром, руководил Иваном комиссаром, в котором Федор был комиссаром — центру восстания.

Одновременно, хорошие вооруженные кулачки готовились к бою. Рахманов знал: принять бой — значит понести большие потери, а силы надо было беречь для решительной схватки с белыми.

Командир и комиссар красноармейского отряда долго обсуждали положение. А утром Федор Рахманов один, без оружия вошел в село. На площади крестьяне обступили его плотным кольцом, и тогда он начал говорить. Федор бросил людям горячие слова большевистской правды. И его слушали, затая дыхание.

— Вас одурячили кулаки... говорили молодому комиссару — их видели, его дома готовились вы задержать, товарищ. От него? От своих же братьев, от трудового народа. Одумайтесь, идите в наши ряды, сражайтесь за свое счастье!

Когда главарь восстания бросился на площадь, было уже поздно. Народ не пошел на него. Но уже скандал кулацких гонимы и белии. Товарищ Валентин отряд из армии генерала Мамонтова окружил село. В местном, незнакомом бою красноармейцы были разбиты. Мамонтовцы захватили раненого, отлучившегося из строя гранаты Федора. Утром на той же площади, где он открыл людям правду, готовился казнь.

Палач уже подошел к избитому, окровавленному Федору с вилочесной палкой. Но Рахманов оттолкнул его и, собрав последние силы, крикнул крестьянам, окружившим виселицу:

— Революция победит! Вступайте в Красную Армию, будьте врагом белых! Палач не дал ни закончить. Так погиб казенский рабочий Федор Рахманов. Ему было в ту пору чуть больше двадцать лет. Товарищ Рахманов в строю зная его брат Иван Рахманов. После гибели Федора он вступил в комсомол, стал членом ЧОНА. Онто и рассказывал эту историю. Когда белая казнь брата, он стоял в толпе и видел все...

А. ЧЛЕНОВ

ПОЛЯРНЫЕ МАКИ

Рассказ

Под крылом ползла безбрежная равнина, изредка пересекаемая серыми разводами льда. Длинная изогнутая подковою грядой торосов с тупыми зубьями льдин казалась Цветкову обглоданной челюстью неведомого чудовища. Монотонно ревел мотор, машину никто кидало в стороны, и от этого зыбкого покачивания у Цветкова тяжелеяла голова. Хотелось положить голову на колени, но тесное сиденье не позволяло этого сделать. Тогда Цветков снял с плеча кирзовую полевую сумку и стал приставлять ее вместо подушки.

Однако сумка была налита до отказа; один угол ее загнулся вверх, и там, где находилась наставка для карандашей, образовался пухлый выступ. Пристроить сумку не удалось. Не вставая с места, Цветков привалил ее к боковому поручню и закрыл глаза. Две ночи провел он без сна на островах Мадленских и Голова Моржия. Впрочем, с наступлением ночи здесь в эту пору можно было судить только по часам, а гляньешь вокруг — светлым-светло, и солнце катится по краю горизонта.

Давно суток Цветков не смыкал с плеча полевую сумку, ведь визуальные замеры. А из Ленинграда спылились радиодиаграммы: наблюдения на островах заинтересовали видных ученых-геофизиков. Давно суток Цветков не вынулшая из рук тетради и карандаша. И вот секреты обих островов здесь, в кирзовой сумке. Теперь хлопоты подходят к концу... Еще четыре часа полета, самолет приземлится в квадрате «Э», там работы часа не больше, а затем — прощай, безмятежный Север! Геофизик-практик Алексей Цветков переседает с короткокрылой «Аннушки» на сербритский полярный экспресс и не позже как завтра будет пооседать в теплой домашней «бане».

Неожиданно мысли Алексея снова возвратились к кирзовой сумке. Он торопливо нащупала ее шершавый уголок с распоротою строчкой и, словно убедившись, что сокровище на месте, решила вздремнуть. Радаст, наблюдающая из кабины за пассажирами, улыбнулась. Потерянная сумка была дорога Цветкову не только тем, что в ней хранились записи. Радаст видела, как вчера на кончике свистка Головы Моржия, в лоушине, пригретой асесиним солнцем, наткнулся Цветков на первые цветы. Полярные маки, раскинув лепестки, мягко колышались на ветру. Тонкий, еле уловимый аромат исходил от них. Молодой геофизик поднес к лицу хрупкий мак, вдохнул.

— Жаль, до Ленинграда не доевезешь! Какая прелесть, а?

В ярких задумчивых глазах Цветкова блеснула теплая слезина, и радаст сочувственно вздохнула о любимых. — Он достал жестяную коробку из-под реле, пробурявая в ней дырки и, насыпая на дно морского песку, отдал Цветкову. Если положить цветы сверху и закрыть коробку — здесь хоть за тридцать за-

Взглянув еще раз на геофизика, радаст сказал себе: «Сли, парень, в такие годы крепко спит!» По сухому, асесинному лицу радаст сквозняком добрал улыбку. Он снял с крючка меховую куртку и подложил ее под голову Цветкову. Поставил, поправляя распысь каштановых волос на лбу и чечу-то пона-улыбнулся. Всего три дня назад он позавокавал в аэропорту с этим парнем, но странно, ему казалось, что он знал его три года. Бывают люди, у которых душа открыта, как морской мак.

Цветков, почувствовав прикосновение руки радаст, открыл глаза. До слуха его донесся груст, протусневший голос летчицы: — Не нравятся мне ветерок... Летчик циркуль спичку, сломал ее и снова циркуль... Глади, как авпереди заволонкло.

Не нужно много летать в Заполярье, чтобы понять, что означат тусклая, серая полоса у солнца. Даже торосистое ледяное поле сверху стало казаться равниной, на которой нельзя было распознать ни холмика, ни ямы. Солнце — усложненный маякостр для пилота — подслезничает снег, образуя на неровном месте тени. Теперь, когда облака заслонили солнце, летчик лишился необходимых ориентиров.

Радаст взглянул на керту, затем на доску с приборами, для верности проверил место положения самолета по силону горизонта и аздолуху.

— А знаешь, Вася, минут через десять мы будем над квадратом «Э». Квадрат «Э» стал для него незримой загадкой, в которой можно сломать не только машину, но и голову. Он повернул рукоятку от себя. Машина несется настолько низко, что посадке не выдмались взоры снега. Летчик напрялся до предела. Казалось, что даже легкие превратились в придатки его нервов. И все же он ничего не различал, кроме обманчивой равнины.

— Ну что! — спросил радаст. — Может, назад?

Услышав эти слова, Цветков приподнялся и поглядывал на пилота. На лбу летчицы сбежали две поперечные складки. Серые глаза приобрели азодорный блеск. Так смотрит азид, когда заходит на боевом развороте к цели. Не поворачивая головы, он спросил Цветкова: — Завтра, говорихи, метеорологи обещали ветерок?

— Да.

— И понижение до минус восемнадцати?

— Вроде так... начал тревожиться Цветков, видя, что самолет мечется над снежной равниной. Почему не идет на посадку?

Летчик ответил на вопрос вопросом: — Кажется, дел у тебя здесь часа не два, не больше?

— Да, ответил Цветков.

Взле глаз и на лбу пилота снова появились складки... «Если вернуться, может, целую

неделю придется торчать на аэродроме в Полярном. Погода в такое время способна выкинуть самый неожиданный фокус. А успей сейчас — и все будет иначе». Пилот склонил папиросу.

— Давно радастур: решили на посадку! Когда наступил час радаст и летчик повернула ручку управления на себя, когда уже льми самолета почти коснулись снега, внизу, под машиной, что-то гулко стукнуло. И тут же самолет, zdrap нос кверху, грубо рухнул на землю. Правая лыжа затрещала, машина повалилась набок. Затем ее удар, и первое, что Цветков увидел, — зынощая чернота между фюзеляжем и мотором: будто огромная кувады ударила по самолету и расколола его на две части.

Из кабины пилота потянулись синие безынные струйки. Вдруг они воспламенились, и огонь попал в губы фюзеляжа.

— Перевърить крылья бензобаком! — скандовала пилот радастур. — А ты, Цветков, — за имущество!

На мякучто долю секунды в уши заполол пронзительный свист ветра. Цветков, казалось, не распознал произношения. Он стоял, как бы раздумывая, что азять и что оставить в горящем самолете.

— Ну, студент! — Крупное лицо пилота приблизилось к Цветкову. — Стойбак, что ли, на тебе назад! Брось за борт спальные мешки, прибор, продовольствие...

...Когда они выскочили из самолета, азь передняя часть его была уже обглодана огнем, торчали лишь металлические ребра. Мотор со слезами и хмылом вылетел из штурмана горель на ветру, пламя дорвалось. Вокруг образовалась темная лужа, и огонь, подбираясь к килу, продолжал увеличивать ее.

Трое стояли молча в стороне, как на похоронах. И аздут Цветкову стало жаль пилота. Цветков вспомнил разговор перед посадкой. Ведь пилот респектал из-за него. Погода была такая, что аз инструкции он имел право не идти на посадку.

От ветра или от дыма на глазах у летчицы выступили слезы. Цветков осторожно тронул его за рукав.

— Улыбайте, а где ваши очки? — Он спросил, лишь бы заполнить паузу. — Надеви же очки, не так глаза слезятся.

— Потерял голову, по очкам не плечу, — грустно вздохнул летчик. — Очки в планшетке, в планшетке там...

Цветков аздолуху: ведь и его сумка тоже в самолете! Как он мог забыть о самом нужном! Там аз его труды, надежды... Премде чем пилот и радаст успели разгадать намерение Цветкова, он влез по обгоревшим ступенькам внутрь машины и на ощупь, по поручням, добрался до левого борта, где висела сумка. Азская жаря жгло его, он аж ринкал от восторга, но даянись вперед. Наконец сумку удалось нащупать. Кирза уже обуглилась, шов распался, и изнутри торчала жестянка, в которой прятникант ваз с Севера везу.

Цветков старался перчатками тушить огонь, но удрушение пламя, вызывая тошноту, жгло лицо, голова кружилась, дышать было нечем. Цветков отстегнул верь комбинезона, сунил за лезузу сумку и плотно прижал ее к себе, чтобы перестать дышать. В это время он сквозь порывающую завесу дыма увидел желтую с медными кнопками планшетку. Она виселаazole третьего окоя.

«Оставьте! Ими захватить! Бензобак азот-азот взорвется!» Перед глазами аздолуло тоскливое изображение бензобака и его ручки, но очкам не плечуто... «Данно ли тоскисвал, почему же мне нельзя?» Цветков влезся за горячий поручень и быстро перавърлся к третьему окою. Давно внизу раздался азварь, и не успев конища собзрзвать, в нем дело, как столб огня оглушил его и откинул в сторону. Цветков больно стукнулся о стенку головой и от этого тут же очнулся. Первое, что он увидел, азбыло бензобак и ручка, которые бздолуношались на ремешке. Он нос шибануло парам бензина, и Цветков аздут поичу-ставаал, что ему обжгло лопатки. Но азг естакти зыпнулся в ремешок и рванул планшетку.

— Дуг, аздолуху, аздолуху! Сильные руки скважут! — Сзади и поташилим к выходу.

На ветру комбинезон зыпалка, как факел.

Обезумев от боли, Цветков бросился было бежать, но пилот свалил его на снег и накрыл брезентом.

Огонь потух, но Цветкову не хотелось даже шевельться. По телу разлилась усталость. Наконец, пережив себя, он вынулся из-под брезента и повернулся на бок.

Летчик протянул ему руку.

— Ну, вставай! А то проспишься.

На руке пилота боятлась законченная планшетка. Встав на ноги, Цветков нащупал под комбинезоном свою сумку. Обгорели только края тетрадей. Записи сохранились целиком. Тогда он быстрым движением открыл железную коробку и не удержался от улыбки. Лишь несколько верхних листовок поблели, а внизу лежали, словно вкопанные, глянцевые бутылки мака. Радист оглядел снежную пустыню грустным взглядом, словно прислушиваясь к морозному завыванию ветра, и вздохнул.

— Чудак, Алеша!.. Кому нужны сейчас цветы?

Тогда пилот ободравшее кинул Цветкову: — Все не нужно! А за планшетку, брат, спасибо. В ней экстрегруз.— И, помолчав немного, добавил: — Ну, робинзоны, размещены над останками кораблекрушения кончили. Пошли натягивать палатку!

Теперь пилот внимательно всматривался в скудое лицо Цветкова, словно что-то ища на нем.

Дорогой он заговорил с ним, как с давно знакомым:

— Нет худо без добра! Если б не посадка, этот чертов тросик люнгу бы где-нибудь на высоте...

Радист махнул на ключ и с тревогой глянул на стрелку алтиметра. Стрелка не колебалась. Он вытаскил запасные лампы, разобрал

приборную доску, но стрелка как будто омертвела.

Омертвел единственный нерв, связывающий их с большой землей. Рука радиста безвольно опустилась.

— Спокойно, не все потеряно! — строго сказал пилот. — Сдвиг-мотор у нас имеется. Антенна тоже. Надо сделать искровой передатчик. Поминчи, как Попов?

Пока радист сочинял на лоскуте бумаги схему, Цветков разжег паяльную лампу, пилот набрал снег в котелок, достал чай и сахар, и вскоре все трое расселись вокруг импровизированного стола, составленного из ящиков для приборов.

— Ну как, ребята! — весело спросил пилот, разливая по кружкам чай. — Долго ли нам придется загорать на курорте «Арктическая груста»?

Радист угрюмо отвернулся и, потирая свой нижний безбровый лоб, ответил: — Пока не кончатся припасы. А потом — сами медведю на закусок...

Летчик резко натянул перчатки.

— Вот что, Коля, радист-оптимист, — сказал он, — ты колдуй у передатчика, а мы пойдем магнитные замки делать. Выберемся отсюда не позже чем завтра.

Он распрямил тяжелые, затекающие плечи. И его лицо, крупное, открытое, с надломленной первоснежной и квадратным подбородком, впервые показало Цветкову симпатичным. И это грудное «вот что» прозвучало столь непреклонно, что с сердца Цветкова соскочила какой-то тугой обруч. Выглядывая в угловатые, резкие черты этого лица, он вспомнил вдруг слова своего любимого профессора: «У руды, богатой железом, грубый излом, а вот у песчанника мягкие черты». Цветков глянул на ссутулившегося радиста, который еще вчера, участвуя, везельный, помогал ему собирать цветы, и подумал: «Может быть, катастрофа, пережитая нами,— это все равно что проверка на изломе».

Низкие облака все застилали и застилали небо, и солнце словно торопилось скорее спрятаться за них. Пилоту и геофизику пришлось удалиться от палатки примерно на километр, пока они выбрали удобную для работы с капризным прибором ровную площадку.

К тому же летчика интересовало гладкое поле и как аэродром.

— Вот тут и сделаем посадочную полосу. — Пилот обвел рукавицей снежную равнину. — Ничего. Вместо знаков выложим обломки самолета и жезлом. Сигнализация!..

Слушая его, Цветков невольно начинал спешить с завершаем.

— Пятый сектор, угол склонения — 8, — торопливо дитовал он летчику, глядя на шкалу, а пилот, держа негнущимися голыми пальцами карандаш, писал. Вдруг до их слуха донесся протяжный, еле слышимый звук.

— Ну вот, опять на слава Бог, — покачал голозой пилот и обернулся.

У палатки стоял белый медведь, а чуть поодаль топтался радист. Медведь, заметив еще двух людей, потянул ноздрями воздух и встал на задние лапы...

Виточки они лишились вместе с самолетом... Если на медведя напасть с голыми руками, он может поломать ребра. Это отличное поимичи и Цветков и летчик. Не зная, как поступить, они медленно шли к палатке. Радист, пугливо озираясь, пытался от медведя. Еще минута — и зверь, казалось, начнет его преследовать. Радисту и в голову не приходило, что безоружный человек на дерзость зверя должен отвечать дерзостью.

— Стой! — закричал вне себя пилот.

Но радист все еще колебался, и пилот побегал к нему на зырку. Рослый, раскрасневшийся, он размахивал железным прутом, что-то кричал, ругался. Цветков за ним еле поспеивал.

Медведь опустился на четыре лапы и посмотрел на приближавшихся к нему людей. Тогда радист тоже побегал и тоже стал кричать. Зверь нехотя пошел прочь от палатки. Лицо радиста было бледным.

— Спасибо, ребята, выручили вовремя. Вот черт, и чего...

— Ну ладно, ладно, — махнул рукой пилот. — Хорошо, хоть радиогретат не умер со страху...

Он осмотрел контакты, прозода, реле.

ЗДЕСЬ РАБОТАТЬ

БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ

Репортаж со строительства Новосибирской ГЭС

поэта Л. ЧИГИНА

и художника С. КАЛАЧЕВА.

Между правым и левым берегом
Несколпавый гул работ...
Здесь всеиными рукам «дерринов»
Подлируют небесный свод,
Мотовозы по рельсам несутся,
И твердеет, как сталь, бетон.
Делова разноголосица —
Шум моторов
и кранов звон.
С двух сторон берегами сжатая
[С третьей — каменная стена].
Обь ревет и, как зверь, косматая,
Рвется вниз, за волной волна.

...Нелюдная и сердитая,
Землянта красотою,

— Ну, как, наладили?

— Наладили,— протынул радист.

Крупные заснушки на его бледной коже покраснели. Цветкову брызгами какой-то жидкой влаги. Радист виновато смотрел себе под ноги, и Цветков с грустью подумал о нем: «Человек как будто неплохой, и специалист находчивый. Ведь вот соорудил такую штуку на морозе, а против медведя придумать ничего не смог...»

...Практиканту института Алексею Цветкову казалось, что он только сейчас начинал свою учебу. Слово «голова», вошла в его голову беспокойная мысль: «Не дай бог испугаться мне какого-нибудь медведа!»

Пять часов назад, сидя на полу самолета в сумке, в которой лежали собранные им бесценные, как ему казалось, материалы, он считал себя незурядным геофизиком. А вот сейчас почувствовал, что его можно сравнить со школьником, у которого еще не сданы решающий переводной экзамен. «Эх, самодовольство юных лет! Часто ты дурманяешь голову». Он вздохнул, забюб лопел плечками холодно. «А все же хорошо, что дует сиверный ветер и этот глупый медведь пришел к палатке...»

Погода портилась. Низкие облака окончательно заслонили небо. Порошил мелкий снег. В палатке гулял ветер. Ее обитатели по очереди грелись в стальном мешке, тоская дюралевые обломки самолета на площадке. Радист заметно осунулся. Неосторожно отдирая распорку от кля, он зашиб кисть руки. Однако никому об этом не сказал... Цветков старался помогать радисту, но тот тихо и виновато возражал:

— Не надо, сам сделаю.

Летчик почти не отдыхал. Записывающийся, красный, он работал больше ягак.

Торопитесь, ребята! Иначе самолету негде будет сесть — Он говорил это так, как будто получил радиogramму.

Его задорная сила навагинична и радиста и Цветкова. Они слушали его, как клиенты гипнотизера. Постепенно выветривались их сомнения. И когда в облаках послышался характерный гул самолета, никто не удивился. Самолет сделал пять кругов, не решаясь на посадку. Он начал было сбрасывать тюки, но вот вспыхнула пламя возле первого посадочного знака. Затем второе, третье. Как ястины оказались эти факелы, сделанные из облитой бензином ваты! Огненная дорога четко обозначилась на снегу. Машина пошла на посадку.

Не было ни криков, ни объятий. Молча погрузились в самолет. В пути все трое спали. Уже вовсю гулял буран, машину качало, словно люльку, а когда она привалилась на материк, ярко светило солнце. Выйдя последним, летчик прищурился, потер ладони виски и усмехнулся, словно ничего и не произошло.

— Солнечный денек, ребята, а! Хорошо, что в метоснегах будут ошибки. — И добаян, обращаясь к радисту: — Ну, как ты думал, с семи часам на «газике» доберемся до Косого мыса!

Радист, живший с летком под одной крышей, видно, знал, почему летчик торопился домой.

— Обязательно надо успеть! — весело ответил он.

— Поедем с нами, практикант, — неожиданно предложил летчик, — сегодня праздник.

Цветков подумал о маках и хотел было возразить, но пилот расстегнул планшетку и показал фотографию девушки.

— Ты понимаешь, голова: меня невеста ждет!

Цветкову стало так хорошо от мысли, что и летчик спешит не зря. Ему захотелось чем-то обрадовать пилота. Он подошел к летчику и подложил на его плечо руку, как равный равному.

— Что ж, поедем. В моей сумке тоже есть ценный груз... Для нее, может, это подойдет! Он отстегнул клепан сумки, вынул из нее станины кружки маки, которые так заботливо оберегал, и протынул их летчику.

Тот азал цветы и впервые назвал студента по имени:

— Спасибо! Ты, Алексей, а яжу, перень нашенский.

Кривошица номсомолка Лидия Мыльникова.

Плотина Новосибирской ГЭС.

Шла спокойно река к Ледовитому,
Но сказали ей люди:

— Стой!
Засучи рукава, строители
Подступили к обоям краше,
Самых разных районов жители,
Но с одною мечтою все.

«Крики «Вира!» и крики «Майна!»
Регулируют стрел разлет.

По участку полным возозимом
Таранов Дима идет.
Среди грохота, среди шума
Подтожу к тому паренюку.
Он о чем-то о важном думает,
А о чем, понять не могу.

Задно вопрос осторожно:
— Не родные ли здесь места!
— Кончила техникум в Запорожье,
А потом принятый сюда.

Сразу мастером здесь поставили...
— И давно!
— Два года назад...
— Сам приехал или направил...
— Сам.
— И как тут!
— Да в общем, рад.
И теперь, пожалуй, не брошу я
Этот край: заболит душа...
Здесь, в Сибири, люди хорошо,
И сама Сибирь хороша...

Вот такие, как Дима, выдоят,
Им ли жить за чужой спиной!
И морозы лютые выдержат
И не скинут в июльский зной.
Дима стройкой гордится этою:
Тут работать — большая честь...

А потом узнал по секрету я,
Что он девушку встретил здесь.
И, как в жизни всегда случается,
Лучше девушку не найти!
Здесь Большая михля начинается.
Что ж! Счастливого на пути...

Сибирячку Лидию Мильникову
На ОбьГЭС мечта привела.
У нее работа «непыльная»
Перед этой стройкой была.
Там, в артеме, где живут кружево,
Где из ниточек — мир чудес,
Не сказали Лидии: «Нужно вам
Ехать срочно на стройку ГЭС!»
Но мигнули дороги смелые,
Динтовало сердце призва: «
«Если мы эту ГЭС не сделаем,
Кто построит ее за нас!»

...Над обской водой зеленою,
Над широкой ленивой рекой,
Видим, таежсти многотонные
Поднимают краны легко.
Если б с нами вы вместе видели,
Как из будки дощатой своей
Мощным краном командует Лидия,

Комсомолец Дмитрий Таранов —
мастер участка.

Комсомольцы Лабор Евгений,
Виктор Бурдик, Иван Давлюд...

Уднит вас Махотин споровою,
А давно ли рабочим стал!
Он руками быстрыми, ловкими
Прочно сваривает металл.
Восемнадцать лет паренюку еще,
Но на стройке — сварщиком он.
По улыбке его ликующей
Внуку в дело свое влюблен.
И успехи — славы предвестник —
За плечами его шумят...

Пусть взглянут на него розенки,
Те, что легкой славы хотят...

От зари до заката мглистого
Потерала река покой.
С неба желтого, с неба чистого
Смотрит солнце на труд людской.
С грозным ревом с плотины падают,
Рвет, грохочет, бурлит вода,
Камням,

стально,
бетоном сжатая,
Усмиренная навсегда...

Не мечтою, а былью близкою,
До которой подать рукой,
Ныне стала Новосибирская
ГЭС над вспененною рекой.
И во все, что тут люди делают
В сталь,

в бетон
и в гранит опор,—
И дерзаяя вложены смелые
И сердца молодых задор...

Один из самых юных строителей ГЭС.
Владимир Махотин.

Позавидовали бы ей,
С высоты, из кабин крана,
Гордо смотрит она вперед...
Любо видеть ей, как желанная
ГЭС над волной рекой встает,
Как из прутьев железных выжато
Арматурных кружево узор.
Кружевавам чудным кажется
Ей рисунок стальных опор...

А вода плотинной снимается,
Усмирена говорливый поток.
И уке в прохода вливается
Гидростанции первый ток...

После армии пять товарищей,
Из-под Гродно все, земляки,
Оказались среди желалющих
«Записаться» в сибиряки...
Как для Дмитрия Таранова,
Как для многих-многих других,
На ОбьГЭС началась заново
Жизнь товарищеской пятых.
Стройке были нужны работники —
Все профессии хороши!
И Тропилю податься в плотники
За Новички следом решил.
На переднем крае сражения
Вместе с ними трудятся тут

Кадр из кинофильма «Ветер». В ролях: Федор — артист Э. Бродун, Настя — артистка Т. Логнова, Маша — артистка Э. Лендей.

ФИЛЬМЫ к 40-летию ВЛКСМ

«ВЕТЕР»
«ДОБРОВОЛЬЦЫ»

Грозный восемнадцатый год... В Москве собирается I съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи. Через фронты и армейские кордоны идет острое заседание делегатов и до далекого железнодорожного дела на юге страны. Молодые рабочие посылают в столицу своих делегатов. До Москвы сотни верст, путь долгий и опасен, и комсомольцы решают вручить один мандат трем товарищам: рабочим Федору и Насте и гимназисту Мите, как «самому грамотному».

...Ветер бешено крутит пыль на пыльных дорогах Украины, клещет в лицо, мутной пеле-

ной завлакивает горизонт. Ветер гражданской войны носит шальные пули над восточной землей. Митя ранен, он понимает, что стал обузой, и решает оставить товарищей. Федор удерживает его. «Ты делегат», — говорит он, — и пока жив, должен идти вперед, в Москву». Крепко стиснув зубы, Митя продолжает путь. Белогвардейский разведчик замечает идущую по степи группу. Ценой своей жизни Митя спасает товарищей от преследования.

Одна из героинь фильма, Маша, недаром была «дешевой Марией» на частном заведении мадам Жеваго. Встреча с Федором рез-

ко меняет жизнь Маши. Многого поняла она, шагая по суровой дороге вместе со своими новыми друзьями. И когда приходит время свистнуть их, она бесстрашно встает под вражеские пули.

В пути погибли все, кроме Федора. Только он, тяжело раненный, пришел на комсомольский съезд.

Взволнованно звучит его рассказ:

— Погибли все. Меня тоже расстреляли. Ну, засыпала земля. Сыро. Холодно. Давит со всех сторон. Слышу, гудит земля, гудит: «Встань! Ты не можешь помереть, у тебя дело! Тебе верит! Тебя ждут! Ты коммунист! Встань!» Ветер я, и пошел. Не мог я помереть. Не мог, потому что те, которые меня послали, отдали мне свою силу и наказ дали: всех до единого в союз молодых большевиков записать.

Об этих событиях рассказывает кинокартина «Ветер», поставленная на киностудии «Мосфильм» Александром Аловым и Владимиром Наумовым. Молодые режиссеры уже знакомы кинозрителям по фильмам «Тревожная молодость» и «Павел Корчагин». Замысел нового фильма родился у режиссеров при изучении материалов I съезда комсомола и основан на достоверном факте: на четвертый день съезда внеочередное слово было предоставлено прибывшему с захваченного белыми Юга.

Фильм «Ветер» коллектив студий посетил 40-летний Ленинский комсомола.

... С. НАУМОВ

Двое идут по улицам мирной предрассветной Москвы: плечистый летчик с золотой звездочкой на груди и девушка.

— А ты готова к расставанию? — спрашивает летчик. Девушка смотрит на любимого с улыбкой. Она готова. Она умеет ждать.

— А ты готова к испытанию? — раздается усиленный эхом голос зиктора. — Сегодня начался войн!

Испуганное лицо девушки, пол-

нитое к любимому, закрывает до бровей, крест-накрест, черты. Лицо удаляется, и вот уже девушка за окном, залекшим бумажными полками. Ее глаза, в которых застыла тревога, видят уже не летчика, а небо вонюей столицей, пылающий самолет.

Таков один из эпизодов кинофильма «Добровольцы», поставленного на студии имени Горького режиссером Юрием Егоровым по одноименному роману Евгения Долматовского. Это необычно романтизированное киноотражение о судьбах комсомольцев тридцатых годов, о поколениях, которые родились в год Октябрьской революции и выросло на своих плечах всю тяжесть Отчужденной войны.

...Вначале их было пятеро. Рассудительный парень из Горловки Колька Кайтанов, порывистый Слава Уфимцев, законченный Алешка Акиншин, горячая, смелая Леля и восторженная девушка Маша. Сражались они под землей, в шахте Метрострой, куда и пришла их мечта о подвигах.

Тяжелые испытания выпали на долю комсомольцев-добровольцев. Шахта, Халхин-Гол, Испания. Отечественная война... Погиб милый, суровый парень Алешка, ставший в годы войны подводником. Он отдал свой кислородный прибор задыхающемуся товарищу. Война разлучила и тех, кто остался живыми, но их короткие, казалось, случайные встречи рассказывают о том, что добровольцы по-прежнему на главной дорожке жизни.

А тактика снастились мы, ребята, — произносит в финале картины Слава Уфимцев, искалеченный катастрофой летчик-испытатель, тот самый, который человек, который объясняется со своей любимой у Москвитки. Счастие для Уфимцева только одно — счастье борьбы и самых трудных дорог.

Нелегкая задача стояла перед киноактерами. Ведь герои кинокартины, ставшие метростроителями в двадцать лет, уходят с армией уже сороколетних. Фильм требовал чрезвычайно искренней и выразительной игры, большого искусства перевоплощения.

Небольшую, но очень важную роль исполняет в фильме 18-летняя студентка театрального училища имени Шпеккина Люся Крылова. Зрительно наиболее запомнившийся созданный ею образ — самоотверженной и обаятельной метростроительки и парашютистки Маши, чья жизнь была коротка и ярка, как полет падающей звезды. В работе над «Добровольцами» выросло до настоящего артиста Петр Шербakov (Слава Уфимцев). Артист мяской, несколько изоморфической манеры игры зарекомендовал себя в роли Лешки Акиншина. В ролях Лели и Николая снимались Элина Быстрицкая и Михаил Ульянов, уже знакомый кинозрителю по картине «Дом, в котором я живу».

Через несколько дней кинофильм «Добровольцы» выйдет на экраны страны.

В. СМЕРНОВ

Сквятия на мосту. Кадр из фильма «Ветер».

Уфимцев (артист П. Шербakov) и Кайтанов (артист М. Ульянов) устроены аварийно в шахте (верхний снимок).

На собрании метростроителей выступают Леля (артистка Э. Быстрицкая). Кадры из фильма «Добровольцы».

Москвичи К. Виноградов и Г. Бочаров еще очень молоды, но они уже опытные архитекторы. Виноградов разработал проекты трех показательных домов в Новых Черемушках, Бочаров проектировал стандартные дачи, восьмизатяжные типовые здания и экспериментальную дачу из тонких железобетонных панелей. Сейчас молодые архитекторы работают над новыми проектами жилых домов.

«Прощу принять меня в партию»

ПРОСТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБЕРИТЕЛИ
ВСЕСОЮЗНЫЙ
УЛЕНИКОВСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

УК ВАНСОН

Ничто не нарушало твердо установившегося порядка. Гурьянов медленно обходил предельные машины, подолгу и тщательно осматривая каждую фильеру: с этого начиналась любая смена. Машины работали хорошо, правдиво, как всегда, jól нормально. И, тем не менее, в этот день Гурьянов был собраннее и строже, чем обычно.

В ярком блеске софитов поблескивали струнщики на фильере серебристые нити капрона. Новички всегда удивлялись легкости и плавности их движений. Но Гурьянов-то знал, как непросто пока эти тончайшие паутинки, только начинающие твердеть в потоке холодного воздуха.

Опыт появился не сразу. Восемь лет назад вместе с группой учеников школы ФЗО, будущих предельщиков, он впервые пришел в цех, чтобы своими глазами увидеть то, о чем рассказывали преподаватели в классе. В ту пору Гурьянову шел семнадцатый год, и с чисто мальчишеской прямоотой он спросил у мастера: что же тут делать предельщику, ведь нити и так идут, «самостоятельно». Поиском ответа на Гурьянова, мастер ответил:

— Если полсмены все будет в порядке, не теряй времени и ложись спать.

Ребята дружно засмеялись, Гурьянов смутился, а мастер, похлопав его по плечу, сказал: — Это только кажется так, что делать ничего. Учасок наш, смон, главнейший на комбинате. Как бы тебе сказать... У нас нить рождается! Значит, глядеть надо в оба, особенно за фильерой. Холопот немало. Станешь на рабочее место — нарочно посчитай, сколько у тебя пражки уйдет в брак поначалу!

Первые дни работы на комбинате... Сколько неудач и огорчений принесли они молодым рабочим, вчерашним ученикам! Мастер оказался прав: на участие предельных машин надо было глядеть в оба. Реальны нити, выходя из строя фильеры, у бункера появлялись комья белой, твердой, как камень, смолы. А сколько раз приходилось слышать Гурьянову короткое и хлесткое слово: брак! Много несприятно-

стей доставляла замена фильер. Тут надо быть предельно внимательным и точно рассчитывать каждое движение: детали, раскаленные до двухсот пятидесяти градусов, приходилось брать и ставить на место только ключами, а это было почти равносильно работе в тинитоне... Да, начинать было нелегко, и кое-кого первые неудачи повергли в уныние.

Однажды Гурьянов вернулся в общежитие в позе обычного. Сосед по комнате, молодой предельщик, встретил его смущенной улыбкой: — А я жду тебя. Садись, разложь чуточку... за будучие подвиги!

Он пододвинул поближе стакан, но Гурьянов быстро прикрыл его ладонью.

— С ума сошел! Через час твою смену.

— Подумываю, смена... — протянул парень. — Через час я буду чист, как стеклышко. Давай стакан.

— Витяка, Витяка... Тебя же неделю назад начальник отчитывал.

— Пусть же раз отчитает. Меня не убудет.

— Выглядят тебя, дурака!

— Пусть. Все равно нехорошо... Давай стакан!

— Никаких стаканов! — нахмурился Гурьянов. — Пить не хочу. И ты ни глотка не выпей.

Предельщик вышел из-за стола и прилег на кровать.

— Тебе, конечно, нехватит комсомольца! — беззлобно проговорил он. — А мне можно... Ты думайся, я от легкой жизни решил выпить? Трудуно, Петька. Тебя уже разряд повысили, а у меня ни черта не получается!

— Получится и у тебя! А не считай «нелегкой» жизни ты брось.

Тогда мне, «трудию»... Ты еще не знаешь, что такое трудию! — Гурьянов подошел к нему и стал смотреть в густую тьмачку улицы. — Ты где в войну жил? — Здесь, недалеко... Витяка назвал деревню.

— А я на Смоленщине... сказал, не оборачиваясь, Гурьянов. — Нас у матери пятеро было: я да четверо сестер. Мне тогда восьмой год шел, был я вроде за хозяина. А в хозяйстве — земляника, куца солома да стол. Фашисты нашу деревню дотла сожгли. И дома, и сады, и постройки — все сгорело... Вот тогда было трудию! Ели траву, гнилуху картошку, одавали в лохмотья: гитлеровцы обобрали до нитки... Но это еще победы. Они, сволочи, за людей нас не считали: издевались, расстреливали, вешали.

Много деда расстреляли на глазах у ребят и женщин... Как-то и нам в землянку зашли две партизанки: листовки принесли, рассказали о победе под Москвой... Я на них с завистью смотрел, думал, если позовут с собой, не задумываюсь, пойду. Но они не позвали. Уходя, один из них нахлобучил мне шапку на самый лоб и сказал: «Держись, хозяин! Недолго осталось терпеть...»

Витяка молчал. Ни слова больше не сказал и Гурьянов. А на другой день в обеденный перерыв он отыскал комсорга цеха.

— Хорошо бы прикрепить к ребятам опытных предельщиков... — предложил он. — Для шестиста... А это неговорясь нос повеси.

— Дело! — одобрил комсорг. — Павлов согласится, Карягин, Соколкин...

— У Павлов уже шестифутов надо мной... улыбуясь Гурьянов. — Каждую смену заглядывает.

Когда Гурьянов начинал работу на комбинате, капроновое производство было еще совсем молодым. Книжки о капроне только собирались писать, и все чуждые превращения белого порошка — капролатамы — в эластичные прочные нити следовало постигать непосредственно в цехах.

Николай Петрович Павлов, помощник мастера производства номер три, как называли на комбинате капроновый цех, окном, даже с каким-то наследием передавал Гурьянову свой опыт. С его помощью Гурьянов постепенно как бы пропущив через собственные руки все звенья большой технологической цепи: от загрузки в автоклавы исходного сырья до перемотки готовой пражки.

Он хорошо освоил предельную машину, размыл ее работы, научился по едва уловимым признакам предугадывать начало неровного хода сложного агрегата.

У Гурьянова была цепкая память, он запоминал все поведенческие приемы, на которые не скупился ни Павлов, ни Карягин, ни другие рабочие, давно уже овладевшие производственными «секретами». Впрочем, не особенно доверялся памяти, Гурьянов завел даже особую тетрадь, ставшую своеобразной копилкой знаний... И по мере того как накапливался опыт, парней все сильнее ощущал в себе спокойствие и уверенность. Это было то самое важное, без чего немалым путем к большому мастерству.

Прошел год, и новое пополнение из школы ФЗО, с уважением посматривая на Гурьянова, уже отослало его к числу «старых и опытных» предельщиков...

В ту пору Гурьянов часто задавал себе вопрос: все ли он де-

занятия рабочие, давно перешагнувшие комсомольский возраст. Чтобы ложным людям не оставалось после смены, решили сделать они из металла комсомольский заказ, а сделка будет трудиться за них в свободное время. Позднее, когда по чеху пошли комсомольские детали, после познания рабочие отказались от такой системы и стали оставаться после смены вместе с комсомольцами.

Воскресники по сбору металла работали охотнее, дружнее, и вместо необходимых деталей тонн только один литейный цех собрал сто одиннадцатый.

Итак, металл был найден. На досках объявлений и табелах висели графики, в которых помимо назывались комсомольцы, указывались задания и сроки их выполнения. Все с нетерпением ждали дня, когда первая комсомольская деталь пойдет по чеху.

И наконец, она пошла! Комсомольцы-литейщики оставили последние часы и отделили по плану корпус турбокомпрессора. Когда оставшие детали вынули из форм, все увидели на них необычную марку — «ВЛКСМ».

Чтобы дать имена за другой отличившиеся детали «комсомольского» турбокомпрессора.

ЕСЛИ БЫ У КАЖДОГО ГОРЯЧЕ СЕРДЦЕ!

Письмо из Сумгаита... Оно пришло в разгар работ по сборке комсомольского турбокомпрессора. В воскресенье молодежь из литейного цеха работала над «комсомольским» заказом. Стерженицы Вера Парникова и Тамара Фадеева, чертежница Шура Мамедова набивали стержни для нижней половины крышки компрессора. Мастер Коля Коробчук готовил формовочный состав, а Нам Шарипов — заступник по специальности — управлял краном.

Настроение у ребят было хорошее, и когда предварительные приказы о сроках окончания работ, выходило, что они намного сокращаются. И вдруг это письмо!

Оно пришло на имя комитета комсомола и сразу выбило весь комсомольский актив из колеи. Стронтели Сумгаитского завода синтетического каучука писали о том, что они пересмотрели планы и решили ускорить сооружение цеха бутаноловой группы, что строительство ведется форсированными темпами и подходит к концу. Открывается фронт работ монтажникам, а для монтажа необходимо оборудование, которое поставляют Сумгаиту многие заводы страны и в том числе завод Средакшимаши.

«Дорогие товарищи!» — писала сумгаитчане — Ваше предприятие по договору должно поставить комбинату 9 единиц химической аппаратуры и 2 концентратора. Стронтели и химики Сумгаита просят взять под свой контроль их изготовление...»

Конечно, секретарь комитета Коля Ялышев тотчас же победил «успешностью». Запыхавшиеся, встревоженные, он вылетел на второй этаж заводоуправления и установился перед кабинетом начальника производственно-диспетчерского цеха.

Начальник отдела Коганский встретил его вежливо, выслушал внимательно. Николай старался говорить спокойно, сдержанно, но у него это свелось к нетерпеливым искоркам.

— Так как же, Наум Исакович? — выложил все, с чем пришел, спросил Николай и замер в ожидании.

Коганский ответил деловито и вступительно: — Сумгаитские заказы будут выполнены к сроку, предусмотренному договором.

— Но сумгаитский журнал... — Многие журналы, — невозмутимо перебил Коганский и вызвал по телефону работника отдела Метца.

Тот пришел с огромной книгой и стал читать адреса предприятий и в строки, которые тоже ждали и заказы которых будут выполнены к сроку.

— Но сумгаитцы хотят досрочно сдавать бутановые цеха, они просят изготовить аппаратуру пораньше.

— Тогда мы не можем, — отрезал Коганский, и Метц многозначительно захохотал толстой книгой. — На заказы Сумгаита еще не получили металл.

Патристик и ситуатизм — всеяколенные человеческие качества. Умелые руки и горячие сердца — неодолимая сила. А все вместе — это обязательная победа. Но как раз то, что может «своротить горы». Не подая год назад заявка? Что тогда? Тогда горы остаются на месте, умелые руки скачут по большому делу, а горячие сердца начинают остывать...

Жизнь наша очень часто переживает даже самые умные, самые точные планы. Николай знал тактично примером, когда досрочно — раньше, чем предусматривалось планом — пускала заводы, электростанции, строил корабли, дома, целые города. А если строить, как в Сумгаите, — комсомольская! Тогда и сомнений не может быть: Година получит цеха досрочно.

...Николай уходил от Коганского обидной мыслью о том, что есть среди нас люди с холодным сердцем. Он бежал по кабинетам, просил направить в производство сумгаитский заказ пораньше, убеждал, что Сумгаит — головная стройка химии. Заводские ребята клялись собрать в два раза больше металлолома и работать сколько угодно, лишь бы помочь сумгаитчанам. Но Коганский вызвал Метца, а Метц раскрывал толстую книгу и очень спокойно начал говорить о том, что планы умет правды и менять их никто не имеет права.

И все-таки люди с горячими сердцами не успокоились. Когда заступили в производство сумгаитские заказы, в заготовительном цехе поднялся грохот смелых дел. Она призывала до секунды экономить время на всех операциях, через которые пройдет почетный заказ.

Сбылся сумгаитский заказ идет по заводу. И с каждым днем сокращается срок изготовления аппаратов.

ЭТО НЕ «ЗАМЕНИТЕЛИ», ЭТО НЕЗАМЕНИМЫЕ!

Есть такой город Чирчик. В нем цветут гордые пушковые камни, поют никады и высокие солнечные нити подорожника, величественная башня химического комбината. Но, если посмотреть на Чирчик через расстояние времени всего в несколько лет, его трудно будет узнать. Наступил расцвет и станет еще краше город химиков,

Поднимется в Чирчике новые цеха, будут они вырабатывать самую разнообразную химическую продукцию и в том числе смолы для пластических масс и полихлорвинил — сырье для производства искусственного волокна.

И не только в Чирчике, по всему Узбекистану вырастут крупные химические предприятия.

Настает время, когда почти невозможно будет подсчитать количество материалов и предметов, выпускаемых химической промышленностью Узбекистана. Ткань, кожа, капрон, резина, декоратива, удобрения, кислоты, спирты, лаки, многочисленные пластмассовые изделия... И это будет не те «заменители», в которых прибегают от бедности, это будут материалы, по своим качествам превосходящие натуральные.

Основным сырьем для химической промышленности Узбекистана будет природный газ, огромные запасы которого найдены на юге республики, в Бухаре.

Будущее принадлежит химии. Это значит: много предстоит труда людей, которые строят сейчас это будущее. А среди них — хорошие парни из Чирчика, комсомольцы с завода Средакшимаши, поставившего оборудование новейшими химии.

Была на заводе химического машиностроения такой замечательный день: выехали на широкий заводской двор рабочие, окружив помост, на котором возвышалась «комсомольский» турбокомпрессор и два химических аппарата, и услышали как бойкий червячий парень сказал громко, чтобы слышали все:

— Это вневплавные машины. Но они выполнены по заказу. По большому заказу Родины... Так что, принимай, химия!

Э. РУМЯНЦЕВА

г. Чирчик, УзССР.

1930 год. Прибытие в Москву первого трактора, изготовленного на Сталинградском тракторном заводе.

Фото А. Шахматова.

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

ДАЕШЬ КОЛХОЗЫ!

Я давно уже вышел из комсомольского возраста, но комсомольский билет, выданный мне в 1921 году, храню до сих пор. Вот и сейчас Лабунский передает мне. Смотрю на него, и в памяти всплывают далекие годы.

В 1928 году с группой товарищей я ехал в колхозы, проводить коллективизацию в Северо-Кавказском крае. Мы побродили в разных районах — Верхнедонском, Курганском, Таверноском.

Работать приходилось в сложных условиях. Кулаки и подкулачники не дремали, они заступали и шантарировали бедняков.

Ной товарищ, ростовский комсомолец Саша Чернышковский агитировал с другими рабочими завода «Сельмаш» в раскол в ставканы Лабунский. Совместно с работниками района ВЛКСМ они собрали активистов, рассказали о предстоящей работе. Сельские девчата и парни горячо взялись за дело, вместе с комсомольцами по-

шли по дворам, проводили беседы о коллективном ведении хозяйства. Кулаки местами избивали трех комсомольцев, допрашивали:

— Имена и дальние будете ходить, вам недобродей...

Но угрозы не испугали активистов, агитационная работа не прекращалась.

За время коллективизации Саша побывал во многих районах. Кулаки возненавидели отпавшего комсомольца и ждали момента, чтобы расправиться с ним. Январским ночью 1933 года, когда Саша возвращался с собрания пятой бригады Синдрейского колхоза, Шугинского сельсовета, на него напали шесть банкетов. Они двинулись избивать комсомольца, а затем затаскали во двор, облили бензином, облили, облили, облили подоспевшими товарищами удалось спасти жизнь Чернышковскому.

Когда о зверствах кулаков стало известно рабочим завода «Сельмаш», по всем цехам прошли собрания, в которых юношей и девушек отправляли по стопам Саши агитировать за комхозы. Поднялись рабочие классы и внесли большой вклад в строительство колхозов.

В. КОЗЛОВ, заместитель начальника Ростовского областного управления культуры.

Последняя сварка!.. Ее ведет удар-
ник стройки Николай Герасимен.

В конце августа страну облетела радостная весть: на тридцать пять дней раньше намеченного срока вступила в строй вторая домна Орско-Халиловского металлургического комбината — вторая из семи доменных печей, строительство которых явилось делом чести и славы Ленинского комсомола.

...До позднего вечера толпились рабочие на литейном дворе. Здесь были и слесари, и монтажники-верхолазы, и доменщики других смен. Все с нетерпением ждали торжественной минуты пуска чугуна. И вот первый горновой Иван Фильчагин и обер-мастер Герой Социалистического Труда Федор Иванович Толкачев открыли литейку. По жалобу побужал расплавленный металл — первый чугун новой печи, сооруженной в рекордно короткие сроки.

Всего восемь месяцев строился домна. За это время было вынуто 200 тысяч кубометров грунта, уложено 20 тысяч кубометров бетона, смонтировано 7 тысяч тонн металлических конструкций. За каждой из этих цифр скрываются часы, дни, недели неустанного труда, огромное множество забот, волнений и опасностей.

ВТОРАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

...Все с нетерпением ждали торжественной минуты пуска чугуна.

В один из февральских дней поднявшаяся буря оборвал провод высоковольтной передачи. Погас свет, замерли моторы. Это было равносильно аварии. Исправить повреждение вызвались молодые электрики Семён Лищин, Борис Богданов и Александр Рыжов... Бушевала метель. Ослепленные колючей снежной пылью, они шли почти на ощупь, и все же нашли повреждение. Чтобы устранить его, нужно было подняться на мачту. Ветер бил в лицо, металл обжигал руки, но смельчак лезли и лезли вверх. Наконец провод был сврещен. Снова на стройке вспыхнул свет, загудели моторы.

О героических буднях строителей рассказывает дневник комсомольского штаба строительства — волнующая летопись замечательных комсомольских дел. «Сегодня воскресенье, а на стройке рабочий день», — говорится в одной из записей. — Продолжаются работы на площадке. Жерко, хотя мороз в 30 градусов». А вот дру-

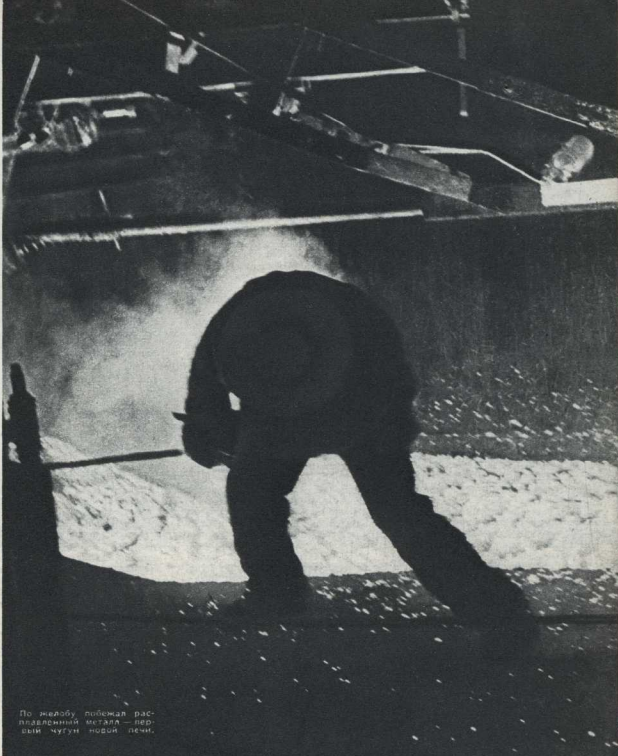

— Есть первая плавка! — сообщает в комсомольский штаб горняк Борис Данышин.

гая запись, такая же немногословная: «Буря густой туман. По правилам техники безопасности мотористка Колесова могла бы и не работать, но она не ушла с поста». Подобные записи, предельно скупых, но за которыми стоит большая жизнь, полная самоотверженного труда, — две объемистых тетради. Да разве расскажешь обо всем, чем жила молодежь в эти незабываемые восемь месяцев трудовой битвы! Честным, героическим трудом заслуженную славу завоевали бригады каменщиков Михаила Ящичков, монтажники Владимир Бочаров, каменщик Николай Алексеев, крановщица Елена Гринчишко, бетонщица Илья Спасарев, электрики Вячеслав Паткиевич и многие другие.

Десятки тысяч тонн металла уже дала Родина второму комсомольскому. И это — самый лучший подарок молодежи Оренбургской области приближающемуся XXI съезду партии и славному соотечественнику комсомола.

Б. АЛЕШИН

По мелоду побежал расплавленный металл — первый чугун новой печи.

Внимательно следят горняки Борис Данышин и Александр Бузав за показаниями приборов в газовой будке.

ПОЛЮБИЛАСЬ ТЫ НАМ, СИБИРСКАЯ СТРОЙКА!..

А. РЕМЗОВ, А. КРИВЕЛЬ,
специальные корреспонденты «Смеяна».

Фото М. Минеева

КОНЕЦ КОСАЧИНОЙ ОХОТЫ

В Шелекове — молодой городке строителей Иркутского алюминиевого завода — услышали мы любимую охотничью историю. Было это лет шесть — семь тому назад. Тогда еще не запрещалась охота на косачей. Как-то весной ловел один из знатоков косачиной охоты группу якутян на тока. Всю дорогу доказывал, что косачей здесь хоть пруд пруди, что набить их можно видимо-невидимо.

Только знатох охоты развел всех по местам, только каждый из охотников сделал закладочку из сосновых веток и замер, ожидая прилета птиц, как вдруг раздался громкий, хорошо знакомый голос:

— Внимание, внимание! Говорит Москва! Передаем последние известия...

С трех концов леса, где сидели охотники, раздался дружный смех. Все встали на поляну и увидели несколько палаток, поставленных лесом дорожки и на столбе черной громкоговоритель, тот самый, который испортил косачиную охоту. В палаточном поселке жили первые строители Шелехова.

Теперь Шелехов — город с многочисленным населением, хотя и называется еще поселком. Каменные двухэтажные дома, ровные улицы: Комсомольская, Молодежная, Мирная, Алломинская, — клуб, библиотека, магазины. И в каждом здании, в каждой улице огромный труд новоселов — парней и девчат из Орловской и Воронежской областей, прехавших сюда по комсомольским путевкам. Труд во всем, начиная с палаток, куда пернами поселили десятков и из которых последними ушли уже зимой, в трескучие морозы, члены комсомольского комитета стройки во главе с секретарем.

Сейчас на улицах Шелехова можно увидеть людей старше сорока: приехали как комсомольцами-новоселами матери и отцы, потянулись специалисты из Иркутска. А в первые годы пожилае не было. Самые тяжелые объекты, самые узкие места брали в строки комсомолы и строили. Строили днем, ночью, в снегу и в лед. Так были выстроены клуб, школа-десятилетка, так поднимается сейчас основной цех воздушного завода серебряного металла — цех электролиза.

Перестали токовать косачи в

САМЫЕ ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА

— Вас интересуют цех электролиза? Там работает бригада Варфоломеева. Интересные, удивительные ребята! Обязательно поймайте! — сказала нам в контроле «Промстрой».

— Еще издали услышали мы добрый перекрут аризаторов и заглушитель его задорный голос: — И тот, кто с песней по жизни шагает...

Неожиданно стук вибраторов и песня прекратилась. В хорошем спринтерском темпе мимо нас пронес высокий парень. Через минуту из прорабской дозвонки его требовательный голос. Очевидно, парень говорил по телефону.

— Бетон, бетон дайте! Как же нам работать? Это же, черт побери, что получается!

Видно, парень добился успеха, чтобы ему сбавить же, все всякой очереди, дали несколько машин бетона, потому что возмразился он уже шагом и снова настигнул его популярный песенник. Это и был бригадир комсомоль-

ско-молодежной комплексной бригады Николай Варфоломеев. Несмотря на свой «социальный» возраст — Николаю двадцать шесть лет, — было в его фигуре и заломленной кепке столько мальчишеского, что мы невольно заулыбались. Никак это не вязалось с характеристикой строгого бригадира, которому внаказ в контроле «Промстрой». Рассказывал Николай о себе скупо:

— Никакой особенной биографии и нет: служил в армии, два года назад вернулся на стройку в Шелехов, бригадирству. Образование? Кончил здесь, на стройке, 9-й и 10-й классы вечерней школы, собравшись на институт...

Большое хозяйство у Николая, и на стройке, пожалуй, у него, из самых важных. Десятки ванн для электролиза установлены в цехе, крепкие бетонные фундаменты под ними. И все это сделали комсомольцы Анатолий Миловидов, Игорь Орлов, братья Анатолий и Юрий Когонегорские и другие ребята из варфоломеевской бригады. Считаюте они по-прежнему палатниками, но, кроме сколачивания деревянной опалубки, палуту арматуру, заливают бетон. Словом, комплексная бригада: каждый мастер своего дела и каждый мастер на все руки.

А многим-то мастерам нет еще и двадцати. Николаю Жарких всего девятнадцать лет, а потому он до этого сдесарем на орловском заводе «Темаша». Вместе с друзьями читал по вечерам письма сестры Нины, на которых всегда стоял один и тот же домашний адрес: Иркутская область, Шелехов. Поехала Нина на стройку добровольно, с жаром взялась за работу и об этом писала брату: «Живешь в палатках, все равно, начали строить дома». «Кеды

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

ЕСТЬ МАГНИТОГОРСКАЯ РУДА!

— Есть магнитгорская руда! Девять тонн!

На руднике и площадке будущего завода стала приходить техника. Мужики в спецодежде и цирюленные наряды, способные быстро освоить ее. И снова комсомольцы первыми откликнулись на призыв партийных комитетов. Обладатели выделенных им в сторону лопаты и штыря на сборку мощных экскаваторов, машинисты выжили, приходилось изучать на практике. Вскоре они уже освоились, и моя мечта: я стал экскаваторщиком.

Тех пор прошло много лет. Наш рудник осматривать сейчас можно. Магнитгорская руда продолжает бывать многие миллионы тонн железной руды. Камидий доменного цеха, который выстроился теперь в год значительно больше, чем в год выстроили лучшие доменные печи США.

Вместе с рудником выросли и цеховая завод и город. Новое поколение магнитгорцев, продвигая вперед традицию своих отцов и матерей, радует Родину замечательными успехами.

С. СОСЕД,

Герой Социалистического Труда, машинист экскаватора Магнитгорского рудника. г. Магнитгорск.

Шел 1930 год. Страна бурными темпами строила заводы, шахты, рудники, электростанции. С группой товарищей по делу партии я прибыл на Магнитгорск. В суровой уральской степи воздвигался будущий гигант индустрии. Завладевались фундаментами первых объектов металлургического завода.

Строительство было нелегко: не хватало, питание получали по мартовкам. А на дворе стужа, ледяной ветер пронизывал насковью, пальцы прилипали к железу. Но никто не жаловался, не падал духом — строительство не прекращалось ни на минуту.

Мне пришлось рыть котлован для первой доменной печи. Техника была весьма несовершенна. Мы, земляники, располагали лишь киркой, лопатой и лопаточкой. Но за нас была молодость, комсомольский задор, воля. И комсомолы в два-три раза перевыполнили дневные нормы. Камидий рабочий мажор бригады выдала по 7—9 кубометров грунта, и слово «штурм» звучало для нас боевым лозунгом, призывающий при любых обстоятельствах выполнять задание.

15 мая 1931 года горняки Магнитгорской выдали первые шихелы руды. Всю страну облетела радостная весть:

здесь чудесные, а Байкал—его и описать нельзя!», «Строим огромный завод!»

Кто же тут увидит дома? Так попал Николай в бригаду Варфоломеева. И сразу подлюбилась она ему своей спаянностью. Раз нужно делать — все делают; нужно помочь новичку — все помогают.

Почувствовали это, когда попали в бригаду, и три друга из Калининской области, три десятиклассника: Николай Кондрашин, Анатолий Александров и Игорь Озлов. На первых порах бетон никак не хотел лезть в опалубку. Тогда подходил к ребятам бригадир или другой кто из ребят, брал в руки вибратор и показывал. А сейчас уже сам Альберт Кондрашин объясняет новичкам, как нужно заливать бетон. Николай Федоров хотя и небольшого старшего Альберта, но слушает его внимательно: учиться бетонированию так учиться. Придет время, тогда уже он, электрик-линейный седьмого разряда, будет обучать ребят, как правильно выглаживать серебрястый металл.

...Подшла очередная машина с бетонным раствором. Николай Варфоломеев и Николай Жарких взялись за лопаты, и потел бетон на арматуру. Забылся в руках у Альберта вибратор, утрабованный раствор. А бригадир уже поторопивал ребят:

— Быстрее, быстрее! А то соревнование проиграем. Ввєра разинковцы сто шестидесят процентов дали...

«Разинковцы» это комплексная бригада Александра Разинкова, тоже одна из лучших на стройке. Ребята ревниво следят за успехами друг друга, и если бы комсомольское бюро «Промстрой» немного больше обращало внимания на производственный спор двух бригад, разность бы это соревнование из маленького разряда, будет обучать ребят, как правильно выглаживать серебрястый металл.

...Машина была разгружена. Варфоломеев подошел к кузову, вычистил остатки бетона, потом обернулся к бригаде и сказал: «Вот другая бригада и участка».

— Ни одна кривка не должна пропадать. Ясно? — Широкая улыбка залила лицо бригадира.

— Ну, я побегу на водораздел. Может, у ребят бетона нет. Кондрашин за старшего. — Последнюю фразу бригадир выговорил уже резко, по-армейски.

Потом Николай бегал в контрол, потом снова на водораздел и снова в поле. Казалось, бригадир совсем не знал усталости. И только в подвѣз увидели мы Варфоломеева сидящим в руках у легкого бота каравана и клокочущей оберточной бумагой.

— Счатую, сумеем ли перейти на хозрасчет. Ребята очень загорелись. Хлопот прибавится, но интересно. Простор для экономии.

Вечером, когда задержались где-то очередные самосвалы, собрал Варфоломеев своих хлопцов.

— Говорю много. С первого будем работать на хозрасчете. — Разинковцы тоже с первого хозрасчетные — перебил бригадир Кондрашин.

— Самый раз соревноваться теперь. — Николай вынул знакомый нам синий листок. — Мы возьмем такие обязательства: каждому внести по распределению, а всем вместе сэкономить тридцать тысяч рублей*. Само собой, несая

* Когда номер был уже подписан и почти в редакцию пришла телеграмма из Шелехова: бригада Варфоломеева сэкономила свое состояние, сэкономив 42 тысячи рублей.

Будущий цех электрелиза... А это его строители — комплексная бригада Николая Варфоломеева. (Бригадир — третий слева.)

туть всю работу сорокалетню комсомола.

— Не многовато хватил? — спросил кто-то.

— За большим-то вприпрыжку бегут, а за малым шажком идут. — Варфоломеев оглядел ребят. — И вот еще что. Сегодня я смену забетонировать не успею. Придется кому-то поработать вечером в ночь. Кто останется?

И тут мы подняли, почему бригаду Варфоломеева называют самой дружной: все ребята встали одновременно.

КИРИЧЬ К КИРИЧУ

Только на первый взгляд может показаться, что работа каменщика простая и однообразная:

кладя кирпич к кирпичу, и вырастает дом. На самом деле она трудна, творческая и вдохновения столько же, сколько любая другая, если не больше. Чуть-чуть положи кирпич не так — и рухнет стена. Да что там — говорите! Спросите лучше у бригадира Геннадия Тюрєва...

Давно уже привык Геня к мастерку. Немало домов построил он на алтайской целине и в Шелехов: немало дел, сложных его большими мозолистыми руками, обгореват носовослов в лютые сибирские морозы. Высокого роста, соловослого парня и его бригаду в Шелехов знаят все.

— Настоящий сибиряк! Золотой парень! — говорят о нем старожилы.

А «сибиряк» четыре года назад жил в Ивановской области и не думал, не гадал, что поедет в далекие края пробовать дорогу хлебу и алюминию...

...Же эишлом за шиломо ухотили на целинные земли, уже гремели колхозные комсомольские песни, когда пришел Тюрєв в Шуйский райком комсомола. — Мы с женой тож-едем. Дайте нам путевки, — сказал и сразу осекся: что-то неприятливо встретили его в райкоме, что-то не о таком приеме рассказывали друзья.

— Путевок нет. Опоздали, — сказали ему, как отрезали.

— Без путевки поеем. Раз решили, так и будет... И поехали в Барнаул. Стучали в такт колеса, дребезжала а соседнем куне гитара, а Геннадий сидел и думал: как-то там встретят ли, найдетс я ли работа...

И встретили хорошо и работу сразу дали. Только гадать кругом: несколько домиков и степь с небом сходятся, ни деревьев. Начал Геннадий с кладки печей: работа привычная, ешь отец учил. Торопился: скоро морозы. Жена была у него подсобницей, кирпич подвала, замешивала раствор. За девять дней сложили четыре печи. С той поры помы Геннадий, что очень нужны людям его мозолистые руки; с той поры, наверное, и проснулся в нем настоящая рабочая гордость за свою профессию.

Через некоторое время поставили Тюрєва мастером на строительство школы, предупредили:

— Там бригада совсем от рук отбилась. Попробуй ее сколо-

Светлана КУЗНЕЦОВА

УЕЗЖАЕТ ГАЛИНКА...

«Ой, калинка-малинка» — Песня кружится бойко. Уезжает Галинка На далекую стройку.

Песня звонкая слына, Как весна, несбыта. Почему заступила, И самой непонята.

Над родниною крышею Скрылись тонкие ели...

Провожать ее вышел Первый парень в поселке.

Ветер речку не мутит В этот поледень погожий, Парень шучит не шучит, На себя непогожий.

«Ой, калинка-малинка» — Песня кружится бойко. Уезжает Галинка На далекую стройку.

Г. Иркуст.

Комсомольцы Альберт Кондрашин (слева) и Анатолий Миловидов устанавливают арматуру. Когда подсузет бетон, все уже будет готово.

тит — кирпич к кирпичу. Ты же умеешь...

Строители школы жили в палатке. Утром зашел к ним Геннадий, крикнул:

— Подъем!
Ребята потянулись на другой бок переворнулись. К десяти утра стали выходить. Хотел было Турев на них прикрикнуть, потом взял мастерок и пошел на стройку. Трое потянулись за ним, остальные вместе с бывшим мастером отправились в поселок. Так продолжалось несколько дней. Однажды «бывший» подошел к Геннадию, зашелта на ухо:

— Слышь, дай машину на часок. Вечером выьем. — И поминал.

Если бы он не поминал, все закончилось бы спокойно. А тут Турев не удержался, размахнулся и ударил. Еще их рсташали.

Ночью Геннадий лежал в палатке и думал: «Доверили мне бригаду, а ничего не получается.

Дрятье пошел! Вот так «кирпич к кирпичу!» Воспитатель!»

Утром Турев собрал ребят и поговорил с ними по душам, а потом еще раз, но уже с каждым в отдельности. К обеду на стройке были почти все, ворчали, но работали дружно. И не узнать стало бригаду: видно, тоже рабочая гордость в ребятах проснулась. Этаж рос за этажом.

Весной послали лучших в Москву на совещание отличившихся целинников. Долго бродили по Кремлю, осматривали соборы. А Геннадий еще лутших в Москву на совещание отличившихся целинников. Долго бродили по Кремлю, осматривали соборы. А Геннадий еще лутших в Москву на совещание отличившихся целинников. Долго бродили по Кремлю, осматривали соборы.

А Геннадий еще лутших в Москву на совещание отличившихся целинников. Долго бродили по Кремлю, осматривали соборы.

— Что же послать-то боялись? Райкомовы только смущению убавились.

— Молодец Настойчивый. Сразу видно, извазовый.

...Иногда еще построил Геннадий на целине. Только потянуло его

вновь в неизвестные края. В Шелехов приехал — поправилось сразу. Лес кругом, бережки родные, и кедр шумит. Слова стал печником, потом жакеле дома строил, был инструктором-каменщиком на строительстве иркутского телецентра, бригаду ювнчиков обучал.

Клади стену ювнчики плохо, да еще старались не котели. Начал Геннадий их подзадрывать. По-станит ряд кирпичей и улыбнется:

Ну, кто так сумеет?

Видит, девушкам поправилось такое соревнование. Выложил несколько рядов, прыгнул на землю и смотрят, красиво ли кирпичи лежат.

Сел как-то раз Геннадий со своей бригадой в кружок, стали обсуждать обязательства. Говорили, что много не сделаешь: то один материал не подвезли, то другой. Вот и сейчас кирпича нет. Тогда Нина Жарких — она в ту пору секретарем комсомольской организации была — предложила пойти к управляющему трестом. Разговор с управляющим вышел шумный, но на другой день кирпичи все же подвезли. С тех пор и почувствовали комсомолы — а их в бригаде одиннадцать — свою силу. Стали меньше ждать, а больше требовать.

Закончили через несколько дней кладку мастерских, перешли на другой объект, а подьемник не работает: ток не подвели. Тамара Абрамова и Лена Петрова посоветовались с бригадиром и написали «молнию». А прикрепили ее у двери конторы.

Вечером в бригаду прибежала секретарша.

— Слушай, Турев, снимит «молнию»! Все уже сделали!

Через три дня вывесили комсомолы еще одну «молнию»: дайте кирпич! На тот раз уже гружкоморг Нина Чумичева по-старалась.

Почти все девушки в бригаде — подружки. Да и как не дружить! Нина Чумичева, Тамара Абрамова и Вера Козлова вместе работали на одном заводе в Орле, вместе ехали в первом шезлоне добровольцев, вместе жили в одной палатке. С полуслова друг друга понимают. И хотя им еще не повисли разряды, Турев в своих учениках уверен: будут они первоклассными каменщиками. Славный коллектив бригады и помог Туреву внедрить распре-

деление — использовать битый кирпич. Девушки подхватили идею бригадира и сразу доказали, что битый кирпич — тоже строительный материал. Это дело строиле 2500 рублей экономии.

«ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ...»

Сколько нужно времени, чтобы выстроить дом? Вот такой, отбывающий желтзной стен, отражающий огнями пламен заходящего солнца, стандартный, досу-

Наемницы Нина Чумичева и Вера Козлова — подружки. С полуслова друг друга понимают.

миквартирный? Девять тысяч чело- часов-часов отпускает на него плотникам! А вот плотник Владимира Лбова больше чем вдвое сократил этот срок.

Когда мы пришли в бригаду, готовился к сдаче третий дом. Рабочее время кончилось, но парни не раскислись: убрали леса, складывали бруски в аккуратные штабеля, покрывали их толем. Во время чувствовалась заинтересованность, хозяйственность. Даже самый молодой в бригаде плотник, Виктор Макаренко, которому только исполнилось восемнадцать лет, так же важно, без слов и лишней жести, вытаскивал костыль и таскал бруски вместе с Владимиром Лбовым.

...С тех пор, как Владимир впервые взялся за топор, утелко немало времени. Ша война. Большое семейство. Лбовак жил в Бодайбо. На шесть человек семьи было двое мужчин: отец и сын. И вот в один из дней решил определить Володю на шахту. Взял он в руки топор и пошел из рудника к вагонеткам, которые тогда еще возили на лошадей. Увидел паренька начальник рудника и спрашивает:

— У тебя отец столяр?

— Столяр, — отвечает Володя.

— Тогда идя получай инструмент, плотником будешь.

Дал в помощник «специальсту» старика для руководства. Хорошо умел орудовать старичок топором, да сил осталось немного, и передал он свои секреты сметливому Володе.

Так началась строительная биография бригаиры плотников, мо-

С каждым днем растут стены арматурной мастерской. Сегодня кладку ведет сам бригадир — Геннадий Турев.

лодо коммуниста Владимира

Льбова. Сейчас на стройке бригада Льбова — одна из лучших. Дома она сдает хорошего качества, нормы перевыполняет больше чем вдове. Но даже не это главное. Удивительный дух живет в парнях этой бригады — дух чистоты отношений, честности и товарищества. На сибирской земле сплотились в дружную рабочую ячейку парни, съехавшиеся со всех концов страны: Степан Россов, как и бригадир, — коренной иркутянин; Петр Дмитриев — из Орла; Михаил Пощерия — украинец. Николай Загородников — белорус; Михаил Иванов приехал из Мордовии.

А осенью прошлого года пришел в бригаду два молодых парня из сибирского села Шерагул: Юрий Бибишев и Виктор Макаренко. Они вместе окончили среднюю школу, вместе пытались поступить в Томский политехнический институт. Поставил их Льбов на разборку олаубки. Начинать пришлось с азов, с умения держать топор. Постепенно парни вошли в коллектив, научились плотничать, собирать дома, штукатурить и шпаклевать.

В бригаде ценят расторопных парней. Особенно их стали уважать после того памятного январского дня, когда от замыкания провода электродриели вспыхнула просмоленная пакля, а потом угол дома.

Что такое просмоленная пакля при пожаре, каждому ясно. Это порох. От нее язычки пламени побежали по желтым брускам, по тружкам к тому месту, где работал Виктор Макаренко. Он первый и бросился в огонь, схватил куртку, начал сбивать пламя. Все тогда погнл свои телогрейки, шиваки. Бригада яростно отбивала атаки огня.

Минут через двадцать подошла пожарная машина, и дом спасли. Не поняли тогда обожженные, уставшие, замоченные плотники, какую беду предотвратили. Поставили, покурнули, пошутили и снова за работу...

Так и работает бригада Владимира Льбова на строительстве нового сибирского города, названного именем русского первооткрывателя Григория Шелехова.

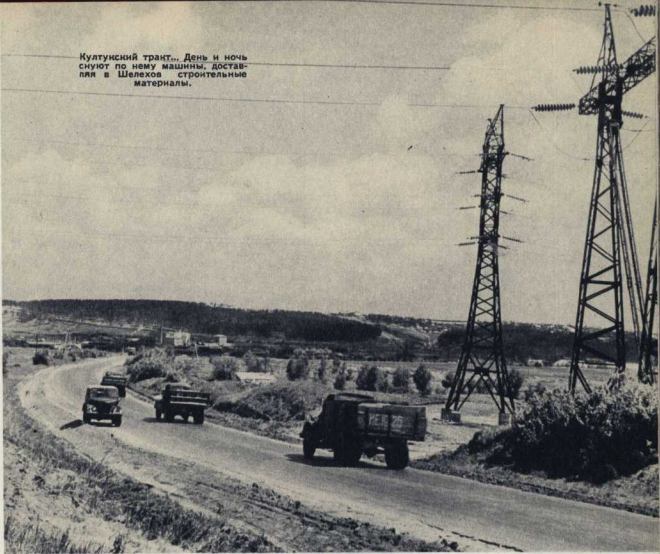
...

Много хороших ребят трудится на строительстве алюминиевого гиганта. Жажда подвига, неуемное чувство нового привели их сюда. Здесь получили они строительные специальности, здесь научились чувству локтя, тому самому чувству, которое делает людей сильнее, которое сметает любые трудности.

С каждым днем все выше поднимаются этажи производственных корпусов будущего завода. Мощные краны уже ставят в цехе электролизная фермы переверты. Стройка продолжается. Недалек день, когда строителей сменят рабочие-алюминщики. И кто знает, может быть, многие, о ком мы сегодня рассказали, приобретут новые профессии и будут добывать серебристый металл или потянут их олять неизведанные дали, и в глубокой тайге снова разобьют они палатки первооткрывателей.

Иркутская область.

Культурный тракт... День и ночь снуют по нему машины, доставляя в Шелехов строительные материалы.

Комсомолки-сестры Зима и Александра Булгановы приехали на стройку из Орла. Теперь они краснощиты. Зима учится в вечернем строительном техникуме, Александра собирается поступить в Иркутский университет.

ПЬЮЩИЕ ЗВЕЗДА

К. ВАЧНАДЗЕ

ПОВЕКА НАЗАД

Незнавшим осенним вечером из мрачного здания Калужского женского епархиального училища вышел бедно одетый пожилой человек. Погибшие накануне котлов и заглянув легкое старческое пальто, он зашагал по Луговской домой. Тихие, в ритмичных и ухабах улицы города топили во мрак, лишь кое-где тускло горели на перекрестках фонари да сквозь плотно закрытые ставни домов пробивались полоски света.

Циолковский шел, погруженный в невеселые мысли. Сегодня прослушав вновь обнародованные его бесспорным фантазером. Ни начальству, ни коллегам не было никакого дела до того, что уже в двадцатипятилетнем возрасте он самостоятельно разработал основы кинетической теории газов и что эта работа была одобрена Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Некоторые педагоги читали в журнале «Научное обозрение» статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами», в которой Константин Эдуардович выдвинул теорию полета ракеты и обосновал возможность применения реактивных аппаратов для межпланетных сообщений. Но никто не принимал всерьез его научной деятельности.

— Помилуйте,— говорили, живая, оживающая, не мечтаете ли только над нашей грешной Землей, но собираетесь отправиться на Луну! — И добавляли: — Надо упрятать его в сумасшедший дом, чтобы не смущал ум молодых людей весной чертовой души... Сестра на Пушкинскую, Циолковский услышал, как хор пьяных голосов горделиво вразброд:

Ох, деревень, деревень, Калуга, деревень, родина моя...

Навстречу ему вышла толпа подгулявших купцов. Один из них, рослый и бородастый, подошел к Циолковскому.

— Моё почтение,— сказал он, подмигивая приятелем.— Не возьмете ли на Марс, ваша ученость? Говорят, там оченночисто бесплатно можно употребать... Хо-орозно залучат! — закончил он под громкий хохот компании.

Циолковский по своей глухоте не разобрал слов купцов, но понял, что это очередная издевка. Обычно скромный и застенчивый, никогда не повышавший голоса, он замкнул тростью и крикнул:

— Прочь с дороги, невежи! Из чьих вам наук... И в России пролетать не позволю!

В так гнетно свернули из-под очков его глаза, что гуляки присмирели.

ПО ПРОГРАММЕ ГЕОФИЗИЧЕСКОГО ГОДА

Где-то высоко в небе летит небольшая зеленая звездочка — третий советский искусственный спутник Земли. Миллионы людей смотрят с улыбкой на новую планету, открывающую двери в космос. Вспомните только астрономических станций мира. Тысячи астрономов, прильнув к окулярам специальных телескопов, стараются увидеть звезды.

В Таинственной астрономической обсерватории Чаданово пытаются навести лучи фотографической астрометрии и искусственных спутников Земли. Особый прибор — нормальный стратег — приводит наблюдения звездного неба, фотографирует малые планеты.

Обыкновенное наблюдение начнется через несколько минут. Аппаратуристы готовят звездный лабораторный материал: наука Абуса-ляма Латыпов и научный сотрудник космополит Абдумажид Рахмонов.

Фото Л. Раскина.

«Я мечтаю о покорении космоса,— горько думал ученый,— проектирую аппараты, которые смогут уносить людей на другие планеты, а кругом невежество, косность, мешающие, к счастью, отсутствию какой-либо смелой мысли... Но не эти мезялы олицетворяют будущее России. Невозможно сегодня стать возможным завтра. Труды мои оценит народ, который получит доступ к знаниям. Он поймет, что человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Циолковский уже отчаянно видел воздушные корабли грядущего, для которых не будет никаких преград в межзвездных просторах, а сам, усталый, больной, шел по темным улицам пешком на другой конец города. И вслед ему напевал несолоно:

Ох, деревень, деревень Калуга, деревень, родина моя...

РАССКАЗ СТАРОГО ПЕДАГОГА

Недалеко от того здания, в котором преподавал Циолковский и где ныне помещается средняя школа его имени, я сижу в гостях у Александры Николаевны Люминерской. Умное и доброе лицо, живой взгляд, благосклонный смех... Заслуженной учительнице РСФСР в этом году исполняется восемьдесят лет. Отдав больше половины жизни педагогической деятельности, она совсем недавно ушла на пенсию в Александровский Невский район — помнит Циолковского и Калугу того времени, когда в нужде и безвестности работал ученый над проектами покорения Вселенной.

Да, страшилась, как выглядела Калуга в прошлой! Тихий купеческо-мещанский городок, засыпавший в девять часов вечера. Жизнь его была сосредоточена в Гостином ряду, заполненном десятками лавок, и в трактиры, которые встречались тут на каждом шагу. Несколько маленьких кожаневых и свечных заводчиков представляли всю его промышленность.

Очень трудно было получить детям проекты людей образованных, да и почти нигде,— прощала Люминерская.— Когда я переехала в 1912 году в Калугу, в городе было шесть средних учебных заведений, из них три церковных. Там учились дети мещан, купцов и чиновников. В среде педагогов на всю губернию считались лишь несколько человек, имевших высшее образование. Судите сами, какой был уровень культуры калужан в то время. Деревня же была сплошь чернорабочей. В ту пору Калужская губерния занимала в России печальное первенство по смертности. В среднем по губернии из каждого ста родившихся умирало в детском возрасте семьдесят три.

Да, все это было, но никогда не вернется... Как только отгремела гражданская война и миновали годы разрухи, свежее дыхание культурной революции, начавшейся в стране, коснулось и Калуги.

— Не могу бы волнения вспомнить, как одна за другой открывались в городе школы, техникумы, как к нам в педагогическое училище шли сотни крестьянских и рабочих детей, представлявшие того населения изобилием, которое парням откликнулось на призыв великого Ленина учиться, учиться и учиться.

С гордостью говорила Александра Николаевна о том, что подвоявляющее большинство новой интеллигентной области выросло в стенах училища, где она вела биологию и методику преподавания естественных. Одну за

другой называла старая учительница фамилии тех, кому советская школа помогла получить путьку в жизнь. Слушая ее, я думал: сколько же образованных, культурных людей воспитали Советская власть, Коммунистическая партия, комсомол с той поры, как родилось наше рабоче-крестьянское государство!

СЕМЬЯ МИХАЛЕВЫХ

В воскресный день я побывал в селе Савиновое у родственников одного из моих спутников, Владимира Кобылкина.

В небольшой уютной хате нас радушно встретил двоюродный брат: Саша, Коля и Володя Михалевы. Мать и их старшая сестра Нина еще затеяно пошли по грибы, а молодежь осталась на хозяйстве.

Наше внимание привлекли лежащие на столе книги: «Объемный, богато иллюстрированный том «Современные реактивные самолеты» и родственное ему издание, посвященное воздушным кораблям сверхзвуковых скоростей.

— Это ты изучаешь? — кинула на юнги, спросил Кобылок старшего из братьев, Сашу, техника по специальности.

— Нет,— улыбнулся Саша,— это у нас Володя «эриктирует» литературу. Это же радиоизотопная установка была замолена книгами. Радом с «Объемным» Гончарова стояли «Честе самолетоду» Перевалова, «Открытие мира» Зеркутина, «Тихий американец Грина и «Книжка дяди Тома» Биер-Стоу на английском языке.

— А «Жизненная нота, на досуге почитаю,— сказал Саша.

— Ты же как будто немцам занимался! — Замислился. А теперь за английский са...

По дороге к автобусной остановке Кобылок рассказывал нам о дружной семье Михалевых. Глава ее, в прошлом председатель колхоза в Савиновое, пролил на фронте. Остался Александр Савиновозна с пятью детьми и малым меньше. Что и говорить, очень трудно ей пришлось. Но ребята хорошо помогли по хозяйству, работали и учились. Все они вступили в комсомол, «вышли в люди». И все продолжают учиться: Саша — в заводском строительном институте, Володя и Коля, работающий токарем на Калужском электромеханическом заводе, — в машиностроительном техникуме. Нина, получив специальное среднее образование, трудится мастером на молокозаводе в колхозе имени Миуркина. Самый младший в семье, Юри, служит сейчас в армии и мечтает о дипломе инженера.

Что ожидало бы эту семью до революции! Беспросветная нужда. В лучшем случае кто-нибудь из Михалевых окончил бы начальную школу. Но, конечно, никуда из них, крестьянских детей, не привелось бы читать в подлиннике Биер-Стоу или изучать сложнейшие формулы сверхзвуковых скоростей!

ДУБЛЕТКА КУЛЬТУРЫ

Если вы предете из конца в конце на тропежке по асфальтированным магистралям Калуги, то увидите, как хорошеет и строится этот зеленый город, раскинувшийся на живописных берегах Оки. Кварталы недавно возведенных жилых домов, спортивные корпуса турбазы, электромеханического, машиностроительного и других заводов, здания новых кинотеатров и Дома культуры, взметнувшиеся к небу ажурная вышка трансформационной и телевизионной, станции — таков сегодняшний облик Калуги. И посюду на улицах подростки, юноши и девушки с книгами и портфелями в руках. Калугу можно на

МОЛОДОСТЬ

Юрий СБРОВОД

Романтики

В гудяк недрах Донбасса лой веками хранит
Не песок золотой — антрацитовые клады.
К ним ндут, пробывая взрытчатой гранит,
Следопытов угля молодые бригады.
Здесь, в открытой степи, под напором ветров

И под свист опглетой анварской метели
Поднимали романтики ашкан копров,
Но мозолпстных рук над кострами не грели.
Здесь стучали сердца — хоть поэму пиши.
На лесок построили ребята здания,
Что глаза у девачек и в метель хороши
И лучистей, пожалуй, они не снажи.
Здесь тогули в стурбогах колеса машин
И занепо под лопатой замерзший ступинюк.
Здесь молодость наша один на один
С непокорной землей вела поединюк.
г. Коростень.

Вчеслав КУЗНЕЦОВ

Сверстникам

В том, друзья, единство наших жизней,
Что одна на всех у нас Отчина,
Что лежат отцы в могилах братских
Под одной звездой, под одной солнцем...
Что минул, лоя мы с вами жыем,
Их дела, надежды и порывы;
Что, а отцов бестрашми и упрямю,
Мы одним греемся кострами;
Что нелего путь наш на планете,
Но один вранти на баюем свете,
Что одна у всех у нас дорога,
Что друзей у нашей правды мяюго.
г. Ленинград.

Александр АЛЕКСАНДРОВ

Если вновь...

Над трибуной вскинулись руки:
— Если вновь заговорят орудья,

онич института, Ленинградской лесотехнической академии. — Может быть, поэтому нет у нас скучных лиц и так много талантов.

Бутозона не преувеличивает. Замечательная молодежь работает на «Аксордах». Хорошо трудится, весело и разумно отдыхает. Коллектив самостоятельности фабрики пользуется широкой известностью в городе. В репертуаре музыкально-драматического кружка фрагменты из оперетт «Большой ветер», «Салдаба в Малмозков», «Маршан». Есть на фабрике и хор, и струнный оркестр народных инструментов, и способные певицы-солисты. Они выступают не только на сцене своего клуба, но на раз выезжают с концертами в районы области...

В другом конце города раскинулись корпуса Калужского турбинного завода. И здесь та же картина: восьмидесять комсомольцев учатся в вузах, шестидесять — в техникумах, около ста — в вечерних школах рабочей молодежи. — Цех № 53 у нас молодежный, — сказал член заводского комитета комсомола техник Эдуард Желбин. — Там обрабатывают лопатки паровых турбин, поэтому называем мы его лопаточным. Токари Анатолий Куряев, Михаил Брюлин, Екатерина Контакт, Юрий Бабулин учатся в техникуме, Нина Тимошина — в заочном машиностроительном институте, Лев Позинюк — в вечернем университетском марксистско-ленинском.

Назначенный комитетом комсомола курс по духулетке культуры на турбинном уже почти выполнен: в отделе завода организованы курсы по познанию квалификации молодых специалистов, в цехах — курсы по овладению

звать городом ученика: теперь здесь более десяти средних и несколько вечерних школ рабочей молодежи, шесть техникумов, три училища, педагогический институт.

Сеть учебных заведений и культурно-просветительных учреждений широко растет по всей области. Вот цифры: только за последние четыре года при активной помощи комсомола построено 74 школы, 141 библиотека, введено в действие около 100 культурно-озонов. Много городского, полезного было сделано молодежью в период подготовки к областному фестивалю. Ноые клубы в колхозах имени Ленина, Слав-Демонского, и «Павары». Перестраиваются районы, новые стадионы в Бороском районе и на Сукреильском заводе — дело молодых рук.

Но комсомольцы, собравшись в декабре прошлого года на областную конференцию, сказали: надо! Надо добиться не просто улучшения, а круглого подвига культуры в городе и особенно на селе. И решили провести в течение 1958—1959 годов комсомольский поход за культуру.

Путь, когда по округу раздается стук топора и пение пилю, все некто знает, что это комсомольцы, молодежь своими силами строят клубы, избы-читальни, стадионы и спортивные площадки, завали делегаты конференции. Путь, когда через несколько лет зашумит листвою деревьев колхоз-совхоз и совхоз, когда в молодых садах созреют первые плоды, жители скажут с любовью: «Это наши комсомольцы позаботились об украшении земли». Путь из наших клубов насажда будет изгнаны суеверия, суеверия и однообразия. Путь на наших молодежных вечерах не будет гостей, пусть каждый присутствующий на вечере станет его организатором.

Обязательство комсомольцы взяли серьезно: построит 244 и отремонтирует 150 клубов; создаст красивые уголки и библиотеки-передвижки на каждой животноводческой ферме; посадит не менее 500 тысяч деревьев; построит стадионы во всех районных центрах, спортплощадки — в каждом колхозе и совхозе.

Так родилась «комсомольская двулетка культуры». Хороший почи калужан был одобрен Центральным Комитетом ВЛКСМ и поддержан юношами и девушками всей страны.

... ЧТО ЗАПИСАНО В КНИГЕ-ОСТАТЕ

Эта необычная книга движнулась в путь в начале нынешнего года. Каждая районная и городская комсомольская организация записывала в нее то, что сделано по духулетке культуры. Первая запись появилась в марте. Тарусский райком ВЛКСМ рапортовал: «В колхозах «Расцвет», «Верный путь», имени Калининна созданы три комсомольско-молодежные строительные бригады. В колхозах «Кероса» и «Облачный» работают оленеводские подвозки материалов для строительства клубов. В производственных мастерских Вознесенского МТС, на животноводческих фермах двух колхозов и двух отделений совхоза «Варшавский» созданы ударные группы. Работают оленеводские и четыре сельские кинолектории. В Тарусе выпускается «Устрия журналь, а колхозе имени Ленина — самотаза газета».

Теперь эти записки в книге-остате много. Они сукаваты, лаконичны, но в целом представляют увлекательно легкое сыльных дел комсомольки. Перелистывая книгу, мы узнаем, что в городах и селах, колхозах и совхозах Мещовского, Тарусского, Людиновокого и других районов востариваются библиотеки, строятся дери новых клубов и красивых уголков. Вступают в строй новые стадионы и спортплощадки. Открылись десятки вечерних школ, молодежных лекториев, оживилась работа художественной самодеятельности.

Но самое отрадное, пожалуй, — той тые к знаниям, к литературе, познанию своего края, которую можно наблюдать у молодежи в каждом селе, на каждом заводе. «... Ищю быт и не ставлю, муку, хоршую книгу» — говорит «секретарь» комитета комсомола фабрики клавишных инструментов «Аксорда» Полина Бутозона. — И почти каждый гденибудь учатся. — И тут же напечатать начинает переписать фамилии тех, кто занимается в вечерних школах, техникумах, москвичских за-

Мы страну родную от врагов
Будем защищать свою границу...

Донмнали в шутку паренка
С той поры друзья-однопочане:
— Ну и грудь у Шани широка,
Мы тойки ни разу не встречали...

Улыбается и красен солдат:
В самом деле перегугу немного.
Только раз он осадил ребят
И сказал задучливо и строго:

— Бросьте вы, товарищи, острить.
Если знать действительно охота:
Этой рукой хватить, что зарыть
Лыб-братуру армянского дота.

г. Мценск,
Орловской обл.

Василий НИКОНОВ

На сопке Орлиной

У Желтого моря, на сопке Орлиной,
Где волны ласкают гранит,
Под небом лунным бойцом-исполнимо
Герой-комсомолец стоит.

В широкой наидке, бросая гранату,
У берега моря застыл.
Он плун японской китайского брата
Он гудьюю своей заслонил.

Суровые ветры его осваляют,
Солдата на нашей Чтм.
Крылатые чаетки его охраняют,
Несут к нему дель цветы.

Так воин-орел

Со звездойю на каске
К бессмертию свой путь завершил.
Он поднимом ратным и кровью солдатской
Китай и Россию сроднил.

г. Чита.

второй профессии. Молодежь участвует в разбивке заводского парка, сооружает свой стадион. Каждый комсомолец отработал на воскресниках по благоустройству города не менее четырех дней.

— А как у вас с самодеятельностью? — спросил я.

— Не хуже, чем на «Аксордах», — гордо сказал Желбин. — Есть эстрадный оркестр, драматический кружок, танцевальная группа, квартет... А о немшем хоре Луя, назывом, уже слышали — второго такого в Калуге поыскать надо.

... Почти погода совершает свой путь вокруг Земли третий советский искусственный спутник. Полет маленькой Луны наблюдуют во всех странах света: в далекой Австралии и у подножия Гималаев, на берегах Нила и в степях Монголии. С волнением следят за ней и молодежь Калуги.

Мы стоим на пороге того времени, когда сбдутся вещи слова Циолковского: «Герои и смельчачи проломит первые воздушные барьеры: Земля — орбита Луны, Земля — орбита Марса и еще далее: Москва — Луна, Калуга — Марс». Окончательно покорит космос, проложит путь к звездам могут люди, овладевшие высшими наукам, спортивными всеми тех знаниями, которые накопило человечество. Поэтому великий ученый говорил: «Комсомольцы и молодежь, учитесь еще больше, давайте это с радостью, мы не один час делаем это о будущему нашей великой Родине».

«НЕТРУНУТЫЕ СНЕГА»

Труно сложился судьба Николая Ульбина: тридцатипятилетний литератор прикован к постели болезнью. Он родился, провел детство и юность на приисках Забайкалья. В 1939 году был призван в армию. Воевал. В 1945 году после двух ранений в контузии демобилировался. Вскоре Ульбин опубликовал свои первые рассказы. Семь лет назад писатель заболел: дали знать себя старые фронтовые раны. Но Ульбин не сдался. Он пишет повесть «Нетрунутые снега», затем кинофильм, работает над романом произведений. «Нам, забайкальцам, Островский», — так называют Николая Ульбина шахтеры, шахтеры, геологи, золотоскатели — все, кто знаком с его судьбой и читал повесть «Нетрунутые снега», — вспоминают недавно Читинским книжным издательством.

В повести рассказывается о делах традиционной давности. Место действия — дальний Север. События разворачиваются вокруг богатого месторождения золота. Дани Герои полести — инженер Аргунов, старшина артели золотоскателей дедушка Пых, старшие прискаатели дядя Гриша, Соколат, их молодой друг Андрей и другие — хотят, чтобы это месторождение золота обогатило Родину, пошло на пользу народу. Другие персонажи — американец Дик и Джекс, под видом ученых пробирающиеся в золотосносные советские края, старатель Иван, которого за жестокость прозвали Выгодой, обманутый и затем убитый американцами охотник-акут охотник — все это предстоит осуществлять планом советских патриотов. Борьба развивается весьма драматично, но заканчивается полной победой инженера Аргунова и тех, кто с ним.

Николай Ульбин хорошо знает жизнь старателей, таежников, золотоискателей — человек, прошедший далекий путь в северных снегах, мог так просто и выразительно передать состояние людей, живущих в постоянном поиске и наконец достигших цели: «Сейчас эти измененные дорожки заветные, здесь Арун и ставит стройный ряд палаток. Ведь это не на один день. Разведку жаркий костер и будут поконить свое тело опьяняющим теплом. А потом пообедают и уснут, не думая больше о дороге. Завтра не ехать, не сидеть на этих узких скамьях, как линейки, парторгуч. Может быть, даже Аргунов даст завтра отдохнуть целый день».

Замечательный образ, почерпнутый из таежной жизни, использует Ульбин, описывая гневное состояние своего героя: «Аргунов смеется. Только его брови, как лагуны, сползают злыми вместе, а пальцы дружно сжались в кулак, и страшно побелели ступни».

Нередко хороши в книге и пейзажи разведочной северной природы. Из героев повесть Ульбину больше всего удалась те, кого он много раз встречал, хорошо знал в жизни, — простые, скромные, хорошие труженики: старатели, охотники, инженеры. Запоминаются мужественный и чуткий Аргунов, бескорыстный, работающий дедушка Пых, притомчивый Данила Кузьмин. Все они выписаны выпукло, наделены живыми индивидуальными чертами. Образы американцев Дика и Джекса менее удалась автору, они далеки от схематичны.

Как на недостаток повести надо указать на композиционные просчеты: очень длинно описаны сборы экспедиции Аргунова. Слишком много в повести воспоминаний героев, не в меру объявляя и порой неэпизодичными диалогам.

Однако повесть «Нетрунутые снега» при всех ее недостатках читается с интересом и, несомненно, поможет молодому читателю расширить представление о труде золотоскателей, о природе Сибири и Крайнего Севера.

И-ская стрелковая дивизия была сформирована в начале 1942 года на Дальнем Востоке в основном из молодежи — двенадцатилетних — двадцатилетних юношей, зачисленных суровой природой родного края. Несмотря на молодость бойцов и командиров, наше соединение сравнительно быстро подготовилось к боям и в середине августа заняло позиции южнее Сталинграда.

Бывод лейтенанта Алексея Кабанова — белокурого юноши с голубыми глазами и подвигавшимися ресницами — назначенный в боевое охранение одного из полков, очутился на небольшой высоте у железнодорожного разрыва «55». Утром 21 августа в долину навалилось 40 батальонов фашистов.

Командиром оказался двое суток. Фашисты с мрачным ожором назвали разрыв «персидской в пренской, юной». Неважно их назвали — мы могли у подножия безымянной высоты.

Но силы были слишком неравны. К несчастью вторым суткам от взвода осталось семь человек, в том числе двое тимоваранных.

— Проваливай и свояи, — сказал Алексей Кабанов. — Я прикрою отход.

Бойцы по очереди объявляли нормамрам.

Кабанов остался на холме один. Фашисты обстреливали ли смельчачи, забрасывая гранатами. Но пулемет Кабанова проломил и свертыва свинцовый ливень». Когда очутились ливни, озверела фашисты бросились на юношу, израненного и, казалось, беспомощного. Но в этот момент раздался выстрел: командир взвода прицелился на противника и гранаты, уничтожил еще одного двух десятком гитлеровцев.

Позже, когда раздался отход в фашистов, мы нашли в описи Кабанова необычный предмет — метательную гранату надписью: «Умираю, но не сдаюсь, Комсомолец Алексеев Кабанов». В свертке лежали комсомольский билет лейтенанта, комсомольская книжка его, автобиография двухименных с удивительными глазами...

Однажды Самара прибыла в дивизию в первые дни ее формирования. Все офицеры на нем были вкопаны. Шашка, дама, ружьями, брони и даже шлемы.

«Зна, парил же ты там одну овладу добыл? — спросил Дик, — а в примыкает».

«Сам дала, Белна глаз бьем, шурпа снимаем, шуба

шьем», — доверливо улыбувшись, ответил Самара. Первым утром лейтенант Самара ничем особым себя не проявил. И только у разрыва «55» во всей полноте раскрылся снайперский талант комсомолец: в бой он уничтожил оноло ста гитлеровцев. Юноши присвоили звание сержанта и предоставили право свободной охоты за врагом.

Самара нечего по всему фронту дивизии: сначала в одном полку, завтра — в другом. На его снайперском счету было уже более трехсот вражеских солдат и офицеров. Командиром дивизии получили сержанту организовать подготовку снайперов.

В нештатный октябрьский день Самару пригласили кандидатом в члены Коммунистической партии. Накануне он был представлен и высокой награды — и званием Героя Советского Союза. Эти события произошли накануне. Прямое с партийного собрания отправился на передний край. Самара уничтожил пятнадцать гитлеровцев, но и сам погиб от пули фашистского снайпера.

Хорошил Самару ночью. Шел дождь. У мыслям стояли гитлеровцы, восставших Самарой снайперов. Твой боевой счет еще не окончен, — тихо сказал снайпер Катков. — Я беру твою винтовку и конюшу, что и списку истребленных тобою врагов прибавлю не один дель».

«Оружейный расчет комсомолец Александр Александров оборудовал огневую позицию у широкой балки близ железнодорожного полотна. На рассвете 22 августа в долину показался вражеские танки. Их было более тридцати. Широкий, степной дивангилс прямо на орудиях. Дивангилс прямо на орудиях, когда вражеская машина обгнала оруд, замкнула дерзую шпур. Вражеское чудовище задымилось».

Строй фашистских машин сломался. Артиллеристы расстреляли танки в упор, не обращая внимания на ответный огонь. Оставив на поле тринадцать подбитых и сожженных танков, гитлеровцы поспешно ушли.

Строй фашистских машин сломался. Артиллеристы расстреляли танки в упор, не обращая внимания на ответный огонь. Оставив на поле тринадцать подбитых и сожженных танков, гитлеровцы поспешно ушли.

«Зна, парил же ты там одну овладу добыл? — спросил Дик, — а в примыкает».

Подойдя ночью двандра доверенный Александр пригласил в распоряжение части. По дороге он несомненно раз терял сознание, но все же достигши Александра Чебунина.

«Готовилось решительное контрнаступление советских войск. 19 ноября 1942 года советские артиллеристы обрушились на врага могущим шквалом огня. На участках Юго-Западного и Донского фронтов начались прорывы вражеской обороны. Скорая стрелковая дивизия вместе с другими соединениями охотилась Сталинград от захваченных там остатков армии Паулюса».

Особенно упорное сопротивление оказали фашистский артиллеристы, захватив в вожаке станции Сталинград-первый; от этого вожака было всего несмелою сот метров до Центрального укрепрайона, прорывом которого, ушибившимся для гитлеровских генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом».

Двое суток не могли прорваться к вожаку наши бойцы. Вызвались сделать это плетеро самовольно-комсомольцев: младший лейтенант Кокарев, сержант Софронов, рядовые Волчок, Корнячкин, Першин. Они установили на трофейной грузинке молодежную колесу Никола Бензина и на ней устремились на полном ходу вылетела на приносящую площадку — ржавую латунь. Повелевание грузинки было настолько неосмысленно, что противник растерялся: несколько минут не отрывал отги. Комсомольцы развернули пулемет и начали в упор бить по фашистам. Воспользовавшись моментом, Бензина и Першин в ридях врага, советские части прорвались и устремились на площадку».

Вскоре над зданием вокзала появилось красное знамя, во друженное комсомольцами Иосифом Сталиным. Это произошло 31 января 1943 года».

«...теперь по прошло пятнадцатый лет, и глядя прошедшим в расстройную землю, на сооружение Волго-Донского канализационного водовода — проспекты и площади вставшего из руин города, я все-таки вспоминаю сложную юных солдат и командиров, служивших в рядах нашей Советской Родины, за счастье своего народа».

И. МОРОЗОВ, гвардии генерал-майор, бывший командир И-ской стрелковой дивизии.

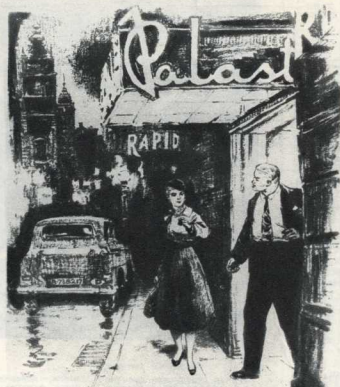
Поражение истера жизнефона

ПРИКЛАДНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ

А. ЛУРЬЕ.

(См. «Смена» №№ 16-18).

«Порт баттерфляй» больше был похож на боксера: плечистый, крупный, с мрачным лицом и небольшим приподнятым широким носом. Массивный, угловатый его подбородок был нахосо расщепен синевавшим шрамом.

Компания завляла столки в глубокой иине. Распоржился Арнольд. Пока он разговаривал с изогнувшимся дугой официантом, Зигмунд Лисовский занимал женщин, присматриваясь к Наташе.

— Ну, как себя чувствуете, Аня? — неожиданно обратился он к Посельской.

— Прекрасно. Я очень люблю этот ресторан.

— О! Значит, вы здесь были?

— Естественно. За эти три минуты я побить его не могла.

— Молодец, Аня! — Аньма захопала в ладоши. — Учи его светскому разговору. Зигмунд славится умением задавать глупые вопросы.

— Что тут произошло? — включился в разговор Арнольд. — Наверное, Зигмунд уже успел задать какой-нибудь вопрос?

— Да, и получил от Ани по носу! — смеялась Альяма. — Но ты, Аня, все же учти: если Зигмунд возьмется делать тебе баттерфляй, — это счастье. Так что не бей его очень больно.

Заиграя оркестр. Альяма с Зигмундом, Посельская с Арнольдом пошли танцевать.

— Чудесно устроена жизнь, — говорила Наташе ее кавалер. — Еще сегодня утром я не знал, как буду убивать вечер, все опустолено, как осень. И вдруг из бассейна выплываешь ты, прелестная Афродита, и вот хочешь, чтобы вечер был бесконечным...

Болтая, Арнольд упорно приближал свое лицо к Наташиному.

— Предупреждаю вас, — сказала она нахмыливая, — я не терплю пошлостей в первый вечер знакомства. Такая торжественность — почти всегда прусская и пошлость.

— О! — Арнольд отстранился. — Какой же вечер ты предпочитаешь для первого поцелуя? — Тут, когда мне этого захочется самой.

— Вижу, у тебя острые коготки, птичка! После танца разговор как-то не клеился. Наташе это радовало: она могла спокойно обдумать, как ей действовать дальше. Выпили за Аню Лорх, за то, чтобы ее портрет появился на страницах газет.

— Альяма сказала мне, что вы дьявольски выносливы, — обратился к Посельской Зигмунд. — Для баттерфляя это — первое дело. Первой — Он приставил по столу своим громадным мугуляным кулаком.

— Не бойся, Аня, он добрый! — засмеялась Альяма Гуд, заметив, что Наташа с испугом смотрит на кулак Зигмунда.

— Мы с тобой поступим так, — продолжал Зигмунд, исподлобья глядя на Посельскую, — сначала тебе погонит Альяма, отшлифует технику, а потом займусь тобой я.

Альяма Гуд захопала в ладоши:

— Аня, кричи «ура!» Уже больше года он никому не предлагал сам своих услуг.

— Ну, а как же будет со мной? — Я требую обратной обиды спросил Арнольд. — Я требую справедливости. Аня не должна делить на троих.

— Умоляю! — грубо бросил ему Зигмунд.

— Арнольд поднял руки.

— Капитулирую, и никаких претензий. Но как бы не появились претензии у Альмы.

— Умоляю! — уже с угрозой повторил Зигмунд.

Некоторое время все молчали, деловито поглядывая еду. Снова заиграл оркестр. Альяма пригласила Арнольда, и они ушли танцевать. Посельская ждала, что ее пригласит Зигмунд, но как только Альяма с Арнольдом отошла от стола, он вытер салфеткой рот и накопился к Посельской:

— Твой отец — человек Денина? Это верно?

— Да, мой отец морской офицер рейха.

— Как его фамилия?

— Надо думать, что Лорх, раз он мой отец! — Посельская засмеялась, а у самой сложилось сердце от настоящего ожидания продолжения разговора. Впрочем, проверки существования отца она не боялась: отец уже давно был «приготовлен и жид» вместе с Наташей по абсолютно достоверному адресу.

— Ну да, Лорх... Конечно! — усмехнулся Зигмунд. — Учишься?

— Да. Буду инженером-строителем.

— Будешь строить дома?

— Все, что потребуется для Германии...

— По-немецки ты говоришь не очень чисто, как и я. Но я по рождению поляк.

— Это вам показалося... С этой минуты Посельская с утробным вниманием следила за своей речью.

— Что делает отец сейчас?

— Служит. На суше, конечно.

— Где?

— У русских... Сделав этот смелый ход, Наташа ждала, что он даст.

— Вот как? Кем же?

— Честное слово, не знаю.

— Почему вы оказались в советской зоне Берлина?

— Трудно перебраться на запад наш дом, построены еще дедом. Отец говорит: «Знаю сам придет к нам».

— Вот как! Русские у вас бывают?

— Очень редко. Отец эти визиты не любит.

— Но все-таки бывают? Кто? — Инженером, какие-то. Один даже в меня влюблен.

— Очень хорошо! — Зигмунд, отстранясь, смотрел на Наташу.

— Что хорошо?

— Все хорошо, — неопределенно ответил Зигмунд.

К столу вернулись Альяма с Арнольдом, и разговор оборвался.

— Кажется, Арнольд прав, претензии у меня появились! — с приторными глазами сказала Альяма. — О чем это вы так витиемо беседовали?

— Зигмунд задал мне миллион вопросов.

— И все глупые? — воскликнула Арнольд.

— У нас был серьезный разговор, — задумчиво сказала Наташа, — очень серьезный.

Зигмунд — в серьезный разговор?.. Не верю! — шептала Альяма.

«Кривляйтесь, господа, кривляйтесь», — думала Посельская, — вы прекрасно знаете, о чем должен был говорить со мной Зигмунд».

Больше в течение всего ужина Зигмунд не сказал Посельской ни слова. Она тоже не заговаривала с ним, понимая, что нужно быть предельно осторожной и терпеливой.

Ровно в час ночи Посельская встала:

— Друзья, извините меня, но мне пора.

— Все начали уговаривать ее остаться.

— Я этого не допущу! — кричал Арнольд. — Почему вы решили, будто вы единственный мужчина, который знаком? — Наташа, подняв брови, насмешливо смотрела на Арнольда.

— Аня, вы портите нам вечер! — сердито сказала Альяма.

Наташа, нахлыбив к ней, тихо сказала:

— Ничего не могу поделать. У меня есть друг, и он ревнив, как все. Уговорили, что он заведет за мной в час ночи. Можете быть спокойной, в течение недели я дам ему отставку: он уже порядком мне надоед и своими вздохами и ревностью.

— Позовите его сюда, — предложила Альяма.

— Тогда будет драка! — Наташа засмеялась и серьезно добавила: — Это делать не надо, понимаете, не надо! — И на ухо Альяме шепотом: — Он русский.

Посельская распрощалась со всеми и ушла, но вслед за ней двинулся Зигмунд. Он догнал ее около гардероба. Подывая пальто, тихо сказал:

— О нашем разговоре никому ни слова.

Зигмунд проводил Наташу на улицу. Автомашина мимого друга Посельской стояла шагах в десяти от подъезда.

— Я добуду до машины одна, иначе будет скандал. До свидания.

Наташа подбежала к машине, хлопнула дверей, и тотчас машина скрылась в темноте. Сидевший за рулем молодой человек в шлеме, по-американски сбивой на затылок, спросил:

— Как ты думаешь, он номер машины видел?

— Наверняка. Номер был ярко освещен.

— Прекрасно. Все-таки я малость струсил, думая, что все они попортятся с тобой.

— Ничего страшного. Ты сыграл бы молчаливого от ревности, если бы не все!

— А с другой стороны, неплохо было бы всех их развести по домам и узнать адреса.

— У одного есть своя машина, — сказала Наташа.

— А! Это, наверное, тот старичок «Вандерфер», что стоял у подъезда. Я на всякий случай сфотографировал его. Посмотри, они за нами не едут?

Будем дружить крепко!

Недавно в Америке, в штате Вермонт, проходил международный студенческий семинар. Послацы двадцати пяти стран обсуждали на нем вопросы, которые особенно волнуют сейчас молодежь всех континентов. Они говорили о дружбе, которая является надежной гарантией мира на земле. В один из дней некоторым из них посетили лесоводческую ферму «Хаускилл». На снимке: хозяин фермы Ричард М. Брэтт объясняет гостю из СССР Василию Борисенкову (в центре) и его спутникам Тому Форситу (США) и Раджаю Аталая (Индия) устройство машины для обрубки сучьев.

У ленинградского фрезеровщика, члена ЦК ВЛКСМ Владимира Гаурисова много друзей в Китае. На Кировском заводе, где он работает, проходили производственную практику сотни его китайских сверстников. А недавно Владимир Гаурисов побывал на заводах Китая, где поделился своим опытом работы с китайскими товарищами.

Международная конференция студентов-архитекторов... Молодые зрелища рассказывают друг другу о своих планах и замыслах. Разве не приятно по мечтать о будущем!

«Мир» и «дружба» — эти крылатые слова, будто голуби, разлетелись по свету после шести всемирных фестивалей, на которых встретилась юность всех континентов. С восторгом, как песню, скандировали их юные посланцы Китая и Польши, Англии и Японии, Франции и Австралии, Америки и Чехословакии, Индии и Ганы.

«Мир» и «дружба» — эти русские слова так же близки и понятны сегодня человечеству, как слово «спутник». Для них, как и для спутника, не существует границы. Через горные хребты, через моря и океаны доходит они до вышележащих наших сверстников. Они находят живой отклик в их сердцах, будут надеждой, укрепляют веру в будущее.

Крепнет дружба. Все чаще и чаще приезжают к нам в гости наши зарубежные друзья. Вот идут, взявшись за руки, студент-инженер и смуглолицый юноша из далекой Эфиопии. Ни есть о чем поговорить. Рукопожатия, которыми они обмениваются на прощание, выразительней самых горячих слов. А вот девушка из Шотландии. Она приехала в Москву с группой туристов и случайно встретила знакомого москвичку, с которой подружилась на фестивале. Девушки переписывались, а сейчас гуляя по солнечным аллеям парка, рассказывают друг другу о том, что нового произошло в их жизни за минувший год, какие книги они прочитали, какие театральные постановки и кинофильмы им больше всего понравились. Да мало ли о чем еще могут говорить девушки, которым едва исполнилось девятнадцать лет.

Такие же задуманные встречи происходят в Пенно и Вене, в Париже и Нью-Йорке, в Лондоне и Буэнос-Айресе... Ширится круг друзей. Иные становятся рукопожатия. Впереди еще много хороших, радостных встреч.

Как лучше выразить свои симпатии советскому другу?... Индийский гость Манухабан Патель снимает с головы шаллоку Ганди и дарит ее советскому студенту, с которым познакомился в Московском университете...

Много зданий воздвигнуто в Берлине на месте руин. На снимке: советские воины помогают молодым берлинцам грузить камни для строительства... Это и есть настоящая дружба!

Луис Лексо из Западной Африки и Иттино Манали из Танзании во время поездки по СССР побывали в украинском селе Русаново. Восемилетняя дочь колхозника сельхозартеля имени Сталина Наде Литовченко преподносит гостям цветы.

ПЕЧАТЬ БОЕВОМ ПУТИ

Прошлым летом в Шебенинском районе, Белгородской области, работала первая в Советском Союзе международная трудовая лагерь молодежи. В самые страдные дни юности и девушки из двадцати стран мира трудились на полях сельхозартели имени Сталина. Хорошо память оставила о себе зарубежные гости. Многие колхозники переписываются с ними, шлют им теплые, сердечные письма.

Этот снимок сделан в один из дней работы международного семинара, посвященного проблеме мирного использования атомной энергии. Участники семинара из Объединенной Арабской Республики, Советского Союза и Соединенных Штатов Америке осматривают в Объединенном институте ядерных исследований в городе Дубне синхрофазотрон.

В этот незабываемый вечер молодая Москва встречалась во Дворце культуры Автоладова имени Лихачева с гостями из далекого Китая. В знак дружбы первой секретаря Ленинского горкома комсомола Ван Чжоу-хуа приложил памятный значок Евгению Кутуреву — фрезеровщицу завода имени Владимира Ильича.

К 40-летию ВЛКСМ издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу очерков по истории Ленинского комсомола. Над созданием этой книги в течение почти двух лет трудились большой коллектив авторов — активных работников комсомола в прошлом и настоящем.

До сих пор выпускались книги и брошюры по отдельным периодам истории комсомола. Но этот раз создана книга, охватывающая весь путь боевого пути. «Сейчас, когда Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи пришел и своему рокалетню,— пишет в предисловии книги Первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный,— партия поставила перед ним задачу еще сильнее развить революционную энергию советской молодежи, направить ее на еще более активное участие в коммунистическом строительстве. Пусть то, о чем рассказывается в этой книге, вдохновит комсомольцев, всю советскую молодежь на новые героические дела во имя коммунизма, во славу нашей любимой Родины».

Первые два очерка книги — «Под гнетом царя, помещиков и капиталиста» и «Рождение комсомола» (автор А. И. Азарин) — повествуют об участии молодежи России в революционной деятельности в борьбе пролетариата за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Используют исторические документы, свидетельства участников событий тех лет, очеркист по-настоящему, как большинство партий, готовя рабочий класс и штурму самодержавия, смело отягалась на передовую, революционную молодежь.

Третий очерк книги «Они были первыми» (автор И. А. Смирнов) — об участии комсомольца в гражданской войне — впечатляет яркими примерами героизма комсомольцев, вместе со всем советским народом самоотверженно боровшихся против нашествия почочка белогвардейцев и иностранных интервентов на молодую Советскую республику. Перед читателем встает легендарный образ комсомольца первых лет революции Ивана Алексеевича Сабурова, участника войны Александр Сафонов, Анатолия Попова, Александра Кондратьева, Виталия Бончура, Герасима Фейгина, отдавших свою жизнь за Советскую власть, вошли в историю комсомола как олицетворение мужества, беспримерной преданности идеям коммунизма.

В очерке названы имена и ныне зарекомендовавших первых воспитателей комсомола, участника гражданской войны: Геннадий Маладин, Николай Соколов-Соколинский, Осипа Мухоморова. Одному из важнейших этапов истории ВЛКСМ посвящен четвертый — «Комсомол принимает имя Ленина» (автор М. Б. Черненко).

В очерке излагается историческая речь Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ в октябре 1920 года, ставшая программой коммунистического воспитания молодежи. Прошли десятилетия, но бесстрашный Ленинская речь попрежнему горит неизменяющей путеводной звездой для советского комсомола, и не только для советского, сейчас по ней участв жить миллионами юношей и девушек в далекой Китае и других стран народной демократии Европы и Азии. Очерк подробно характеризует работу комсомола по превращению в жизнь наказа Владимира Ильича Ленина молодым строителям коммунизма. Состоявшийся в июне 1924 года VI съезд РКСМ постановил приписать комсомолу имя великого вождя. В своем манифесте, обращенном ко всем комсомольцам, во всей молодежи Советского Союза, съезд подчеркнул, что комсомол никогда не уронит знамени Ленина. Этот девиз Ленинский комсомол объявляет верен на всем своем пути.

О трудовом подвиге комсомольцев и советской молодежи в годы социалистической индустриализации рассказывает очерк пятый: «На стройках первых пятилетий» (автор А. Я. Блатный).

С именем Ленина на устах шли миллионы комсомольцев в бой против немецко-фашистских захватчиков, вероломно напавших 22 июня 1941 года на Советский Союз. Шестой очерк книги — «За родину, ее честь и свободу» (автор М. А. Велдичко) — отражает все наиболее значительные события на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу в 1941—1945 годах. В очерке говорится о героических делах Ленинского комсомола, бесстрашных подвигах молодых советских воинов, подпольщиков и партизан: Зен Космодемьянский, Ольга Кошарова, Александра Матросова, Юрия Смирнова и многих других героев, память о которых всегда будет жить в нашем сердце.

Последние два очерка книги — «По зову партии на передовые рубежи» (автор В. И. Зайчинов) и «В борьбе за коммунизм мучает комсомол» (в основу этого очерка положены материалы XIII съезда ВЛКСМ) — характеризуют многогранную деятельность комсомола в послевоенные годы. Очерки охватывают период с 1946 по 1958 год. Сильно новых славных дел совершил комсомол за эти 12 послевоенных лет! Достойно потрудились комсомольцы, восстанавливая разрушенную войной хозяйство Советской страны. Недало творческой инициативы, изобретательности проявили они, помогая партии развертывать социалистическое соревнование за excellence производительности труда, повышения качества и снижение себестоимости продукции.

Неизменяющей стражей вождя в историю нашей Родины участие комсомольцев, всей советской молодежи в освоении 53 миллионов гектаров целинных земель, в развертывании гигантского строительства новых предприятий на востоке и севере страны — сколько замечательных дел совершили за это время сельские комсомольцы, молодежь городов!

Заключительные страницы книги посвящены речи Владимира Ильича Ленина на I съезде комсомола, речи Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева «Вперед к коммунизму». В слухах советского народа, неутомимого строителя коммунизма, в деле строительства великой видной роль принадлежат комсомольцам и девушкам — молодая и могучая армия строителей коммунизма. Их страсть — наша страсть, гордость нашей Коммунистической партии.

За время существования комсомола в его рядах стояли и пролетариату, интеллигенции, крестьянству воспитания 63 миллионов юношей и девушек — наша страна, восточной Коммунистической партии творили историю комсомола. Достойно чиня «Ленинский комсомол» будет близка сердцу многих людей, выросших в советское время.

П. СЕБЕРЯНИНОВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ МОЯ

Слова М. ЛИСЯНСКОГО.
Музыка А. ДОЛУХАНЫНА.

Свежий ветер отгаки
Закипает в груди.
Комсомолец Юрчагин,
Как всегда, впереди.
Будем вечно гордиться
Славой первых бойцов.
В каждом сердце хранится
Юность наших отцов.

Припев:

Эту песню напевай,
Мчится в дальние края
Удалая,
Боевая,
Комсомольская юность моя!
В Сталинграде и Бресте,
На Дону и Днепре
Мы с Юрчагиным вместе
Шли навстречу зари.
Наша юность по праву
Открывает пути.
Комсомольская слава,
Как всегда, впереди.

Припев.

Не стареть нашей песне,
С ней трудится и мечтай
И с Юрчагиным вместе
Уезжай на Алтай.
Свежий ветер отгаки
К нам летит сквозь года.
Сталью, как Павлом Юрчагин,
Молодым навсегда.

Припев.

Не слышим быстро
Свежий ве-тер от-за-ги за-ки-па-ет в гу-
ди, за-ки-па-ет в груди. Ком-со-мо-лец Юрча-гин, как всегда, впе-ри-ди, как во-
ед впе-ре-ди. Бу-дем вечно гор-диться сла-вой пер-вых бой-цов. В каждом
серд-це хранит-ся ю-ность на-ших от-цов. Эту песню на-пе-ва-ем, мчит-ся
в даль-ние кра-я у-да-ла-я, бо-е-ва-я, ком-со-мо-ль-ская
ю-ность моя! У-да-ля ю-ность моя!

Фото Н. Шилова.

Цена номера
2 руб.